

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»
Филологический факультет
Кафедра общего и русского языкознания**

**Выпускная квалификационная работа
ИРОНИЧЕСКИЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ
В ПОВСЕДНЕВНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

**Направление подготовки: 45.03.01 Филология
Профиль подготовки: Отечественная филология**

«Допущена к защите»

Протокол № _____ от _____ 2021 г.

Автор работы:

Карпукова
Юлия Дмитриевна,
студентка группы ОФ-17

Заведующий кафедрой:
Китанина Элла Анатольевна,
доктор филол. наук, доцент

Научный руководитель:
Нестерова Татьяна Вячеславовна,
канд. филол. наук, доцент

**Руководитель
образовательной программы:**
Ионова Светлана Валентиновна,
доктор филол. наук, профессор

Москва 2021

Содержание

Введение	3
Глава I. ИРОНИЯ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ. ИСТОРИЯ ВОПРОСА.....	7
1.1. Различные подходы к изучению иронии	7
1.2. Юмор, ирония, насмешка, сарказм.....	12
1.3. Дефиниции лексем «ирония», «иронизировать» в лексикографических источниках.....	22
1.4. Ирония в языке и речи	24
1.4.1. Языковые средства и приемы выражения иронии	24
1.4.2. Ирония в свете теории речевых актов.....	34
1.4.3. Ирония как косвенный речевой акт. Иронические речевые акты ...	36
1.4.4. Ирония в поликодовой коммуникации	44
Выводы по первой главе	50
Глава II. ИРОНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ КОММУНИКАЦИИ (РУССКОЯЗЫЧНОЕ ОБЩЕНИЕ)	53
2.1. Повседневная коммуникация	53
2.2. Иронические речевые акты в повседневной коммуникации	55
2.2.1. Иронические ассертивы	56
2.2.2. Иронические комиссивы.....	58
2.2.3. Иронические директивы	61
2.2.4. Иронические квеситивы.....	64
2.2.5. Иронические экспрессивы	67
2.2.6. Иронические декларативы	70
2.2.7. Комбинаторика иронических речевых актов.....	72
2.2.8. Иронические речевые акты в поликодовой коммуникации.....	77
Выводы по второй главе	84
Заключение	86
Список использованной литературы.....	94
Приложение 1	104

Введение

Данная работа посвящена исследованию иронии как феномена не прямой коммуникации, реализуемого в рамках русскоязычного повседневного общения.

Сегодня иронию можно встретить во многих сферах и средах общения: в СМИ, в сфере культуры, рекламы, политики, в рабочей, семейной, дружеской среде, в интернет-среде и др. Ирония изучается в философии, эстетике, культурологии, литературоведении, стилистике, коммуникативистике и других областях знания.

Несмотря на значительное количество работ, в которых в той или иной мере освещаются разные аспекты данного явления (С.Н. Балашов, Ю.Н. Варзониин, К.А. Воробьева, А.А. Горностаева, О.П. Ермакова, М.В. Захарова, В.В. Чумак и мн. др.), нам представляется **актуальным** изучение специфики и функционирования иронии как контекстуально-ситуативного косвенного речевого акта применительно к повседневной коммуникации.

Объектом исследования является повседневная коммуникация (в том числе поликодовая).

Предметом исследования выступают иронические речевые акты в повседневной русскоязычной коммуникации.

Цель работы заключается в исследовании иронических речевых актов в сфере повседневного общения, описании их семантики и прагматики и конкретизируется в следующих **задачах**:

1. Проанализировать литературу по теме исследования.
2. Рассмотреть дефиниции понятий *юмор, ирония, насмешка, сарказм*, представленные в лексикографических источниках и в работах лингвистов.
3. Определить место иронии среди видов комического, описать различные подходы к ее изучению.
4. Выявить особенности иронии в свете коммуникативно-прагматического подхода.

5. Рассмотреть существующие классификации средств и способов реализации иронии.

6. Представить существующие классификации иронических речевых актов.

7. Создать классификацию иронических речевых актов применительно к повседневному общению.

8. Описать семантику и прагматику иронических речевых актов в повседневной коммуникации (в том числе поликодовой), проанализировать особенности их функционирования.

Материалом исследования послужили диалоги из российских телесериалов («Восьмидесятые», «Родители»), а также представленные в социальных сетях («ВКонтакте», «Twitter») тексты, содержащие иронические речевые акты.

Всего проанализировано 140 диалогов, в которых содержится 283 иронических речевых акта.

В исследовании использовались следующие **методы**: методы логико-лингвистического анализа научной литературы, методы и приемы непосредственного наблюдения и аналитического описания языковых и речевых фактов, методы лингвистического анализа, метод дефиниционного анализа, описательный метод, метод контекстно-ситуативного (дискурсивного) анализа, прагматические методы анализа, классификационный метод.

Теоретическую основу исследования специфики иронии в повседневном общении составили работы Е.В. Булатой, Н.В. Веселовой, Е.М. Кагановской, Ю.В. Каменской, Т.В. Нестеровой, Л.В. Самыгиной, М.А. Слепцовой, Д.Г. Хамзе, К.М. Шилихиной, В.В. Чумака и др. ученых.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней подробно анализируются иронические речевые акты в повседневной русскоязычной коммуникации (в том числе поликодовой), описывается их семантика и

прагматика, приводятся статистические данные, демонстрирующие частотность употребления каждого типа иронических высказываний.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в том, что оно вносит определенный вклад в дальнейшее изучение иронии в не прямой повседневной русскоязычной коммуникации.

Практическая значимость данной работы заключается в возможности применения результатов исследования в различных курсах и спецкурсах по теории общения, не прямой коммуникации, теории текста и дискурса, межкультурной коммуникации, русскому языку как иностранному.

Цели и задачи исследования определяют **структуру работы**, которая состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Во введении обосновывается актуальность избранной темы, определяются объект и предмет, цель и задачи исследования, дается перечень методов, которые были использованы при анализе материала, обосновывается научная новизна работы, её теоретическая и практическая значимость, описывается материал и теоретическая основа исследования.

В первой главе «Ирония в языке и речи. История вопроса» анализируется литература по теме исследования, даются дефиниции понятий «ирония», «юмор», «насмешка», «сарказм», «иронизировать», «речевой акт», «косвенный речевой акт», «шутливый иронический речевой акт», «поликодовый иронический текст» и др.; рассматриваются различные подходы к их определению; анализируются существующие классификации иронических речевых актов.

Во второй главе «Ирония в повседневной коммуникации (русскоязычное общение)» проводится анализ иронических речевых актов, описывается их семантика и прагматика, декодируются скрытые смыслы, возникающие при реализации этих высказываний в повседневной коммуникации, выявляется частотность употребления выделенных в первой главе типов иронических речевых актов.

В Заключении в обобщенной форме излагаются результаты исследования и намечаются перспективы изучения данной темы.

По материалам данного исследования **были опубликованы** следующие **научные статьи**:

1. Карпукова Ю.Д. Ирония в обиходной коммуникации / Ю.Д. Карпукова // Гуманитарные технологии в современном мире. — 2020. — С. 705-710.

2. Карпукова Ю.Д. Ирония в теории речевых актов / Ю.Д. Карпукова // Язык и культура: взгляд молодых. — 2020. — С. 195-200.

Подготовлена научная статья «Ирония в поликодовой коммуникации», принятая к публикации в сборнике научных исследований по итогам IX Международной научно-практической конференции «Гуманитарные технологии в современном мире» (Калининград).

Глава I. ИРОНИЯ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ. ИСТОРИЯ ВОПРОСА

1.1. Различные подходы к изучению иронии

Особый интерес к иронии возник еще в античности. Так, Сократ часто пользовался иронией: для него было характерно специальное изображение собственной неосведомленности. Во время споров Сократ делал вид, будто не знает чего-то, чтобы подвергнуть сомнению истинность общепринятых положений, известных всем фактов, которыми оперировал оппонент [Левит 1998].

Древнеримский оратор Марк Фабий Квинтилиан считал, что ирония — это способ утверждать одно, подразумевая нечто противоположное. Причем ирония, согласно М.Ф. Квинтилиану, могла быть как риторической фигурой, так и характерной чертой какого-либо явления (речи, текста или даже личности) [Шилихина 2014].

В эпоху романтизма ирония воспринималась не просто как риторическая фигура, а как философская категория, способ отношения к окружающей действительности [Булатая 2017].

В XX веке ирония стала применяться в разных гуманитарных науках: философии, литературоведении, лингвистике и др. [Булатая 2017].

В более широком смысле ирония рассматривается в философии. Здесь данный феномен понимается как особая философская категория, «характеризующая процессы отрицания, расхождения намерения и результата, замысла и объективного смысла» [ФЭС, 1983, 220].

В литературоведении ирония включается в парадигму комических категорий, представляет собой промежуточное явление между юмором и сатирой, выступает как «явно притворное изображение отрицательного явления в положительном виде, чтобы путем доведения до абсурда самой возможности положительной оценки осмеять и дискредитировать данное явление, обратить внимание на тот его недостаток, который в ироническом изображении заменяется соответствующим достоинством» [ЛЭ 1930].

В лингвистике интерес к иронии возрос вместе с развитием знания о лингвистической прагматике и когнитивной лингвистике.

В стилистике ирония понимается как насмешка-антифраза [Ахманова 1966; Пропп 1997; Розенталь, Теленкова 2003; Матвеева 2010 и др.]. В.Я. Пропп пишет, что «при иронии словами высказывается одно понятие, подразумевается же (но не высказывается на словах) другое, противоположное ему» и что «она представляет собой один из видов насмешки» [Пропп, 1997, 158].

Данное мнение довольно широко распространено, что подтверждается множеством определений иронии, например:

«Троп, состоящий в употреблении слова в смысле обратном буквальному с целью тонкой или скрытой насмешки; насмешка, нарочито облеченная в форму положительной характеристики или восхваления» [Ахманова, 1966, 179];

«Ирония — стилистический прием, посредством которого в каком-либо слове проявляется взаимодействие двух типов лексических значений: предметно-логического и контекстуального, основанного на отношениях противоположности (противоречивости)» [Гальперин, 1958, 133].

«Троп, состоящий в употреблении слова или выражения в смысле, обратном буквальному с целью насмешки» [Розенталь, Теленкова, 2003, 91];

«Употребление слова или высказывания со смысловым сдвигом, что создает комический эффект, рождает насмешку» [Матвеева, 2010, 136].

С развитием знания об иронии выяснилось, что трактовка данного феномена как антифразы-насмешки недостаточна, потому что скрытое под одними лексическими единицами вторичное, подразумеваемое значение на практике не всегда выводится путем обращения к одному лишь тексту.

Ирония представляет научный интерес для лингвистической прагматики, которая рассматривает функционирование языка непосредственно в общении, понимая его как «комплекс речевой

деятельности людей по созданию и интерпретации разного рода высказываний, дискурсов, текстов, жанров» [Формановская, 2002, с.3].

Д. Спербер и Д. Уилсон [Sperber, Wilson, 2012; Sperber, Wilson 1981] заметили, что важную роль в общении играют параметры речевой ситуации и уже имеющиеся у коммуникантов знания (пресуппозиции), т.к. понимание иронии исключительно как антифразы, вне рассмотрения условий речи, может оказаться недостаточным на практике. В частности, исследователи приводят пример речевой ситуации, в которой коммуникант говорит о не понравившейся ему вечеринке:

Mary (after a boring party): That was fun.

Так, для обнаружения и понимания иронии в данном примере необходимо знать, что была вечеринка, которая в действительности оказалась скучной.

В работе «Irony and the use-mention distinction» [Sperber, Wilson, 1981] авторы приводят следующий пример:

Mary to Peter in a downpour: It's lovely weather.

Д. Спербер и Д. Уилсон отмечают, что Мэри на самом деле не получает удовольствия от настигнувшего их с Питером проливного дождя, поэтому Питеру для декодирования иронии необходимо понимать это.

Авторы отмечают, что в случае непонимания иронии слушающим, говорящий может также сопровождать свое высказывание невербальным элементом (например, тоном голоса, мимикой, жестами и т.д.) [Sperber, Wilson, 2012].

Свою роль в переосмыслении иронии сыграл разработанный британским ученым Г. Грайсом [Грайс, 1985] принцип построения коммуникации — принцип кооперации. Согласно этому принципу, существует несколько максим (правил), соблюдение которых способствует успешной коммуникации, — максимы качества и количества информации, релевантности, ясности. Говорящему, руководствующемуся максимой качества информации, не следует говорить неправду или то, в чем он

сомневается, не уверен. Именно эту максиму нарушает адресант, производя иронический речевой акт: он говорит то, что не считает истинным. Важно, что говорящий намеренно имплицитно подразумевает противоположное значение и желает, чтобы слушающий декодировал скрытый смысл.

Есть также теория, согласно которой ирония — это релевантная (значимая) неуместность. Данная теория описана в работах С. Аттардо [Attardo 2000], который считает, что высказывание уместно тогда, когда все его пресуппозиции соотносятся с пресуппозициями коммуникативной ситуации в целом, т.е. когда оно истинно. Релевантность высказывания не определяется истинностью, следовательно, если высказывание неуместно в данной коммуникативной ситуации, но при этом значимо для коммуникантов, то возникает ирония.

В таких высказываниях скрытое отрицание выражается посредством взаимной неуместности двух планов значения — прямого и косвенного. Для понимания иронии, согласно теории релевантной неуместности, адресату необходимо сначала понять эксплицитное значение высказывания, а после (в случае обнаружения несоответствия прямого смысла контексту) приступить к поиску скрытых смыслов.

Например, в высказывании «What nice weather! (with sarcastic tone)» [Attardo, 2000, 807] в контексте, описываемом автором («context: it is raining» [Там же]), содержится ирония, т.к. эксплицитно выраженная положительная оценка неуместна в данной коммуникативной ситуации, но содержащийся в высказывании скрытый смысл (отрицательная оценка) значим для коммуникантов.

В исследованиях в области лингвистической прагматики показана несостоятельность понимания иронии лишь как риторической фигуры, т.к. такой подход не учитывает важных для её понимания характеристик: ирония зависит от дискурса, коммуникативной ситуации, является следствием действий как минимум двух коммуникативных «сторон» — говорящего и слушающего.

Сторонники прагматического подхода [Булатая 2017; Гомлешко 2008; Горностаева 2013; Ермакова 2011; Слепцова 2008; Шилихина 2014 и др.] убеждены, что ирония — это в первую очередь дискурсивное речевое явление, поэтому лингвистический анализ следует проводить в пределах определенного дискурса, учитывая его особенности и руководствуясь положениями прагматики. Так, немало работ посвящено изучению иронии в политическом [Веселова 2003; Печенкина, Васильева 2014 и др.], публицистическом [Орлова 2005; Соболева 2018 и др.] и других видах дискурса.

В рамках прагматического подхода некоторые исследователи рассматривают иронию в свете теории речевых актов [Варзонин 1994; Чумак 2005; Слепцова 2008; Войткова 2010; Паремужашвили 2012; Черкасова, Макарова 2017 и др.]. М.А. Слепцова и В.В. Чумак приводят свои классификации иронических речевых актов, которые мы рассмотрим далее.

В.В. Чумак [Чумак 2005] определяет иронию как «сложный речевой акт, иллюкутивная сила которого порождается в результате взаимодействия иллюкутивной силы простого речевого акта с ироническим намерением говорящего» [Чумак, 2005, 78]. Для успешности, т.е. реализации интенции иронического речевого акта необходимо соблюсти ряд условий — предварительное условие «осведомленности иронического говорящего о том, что иронический адресат обладает необходимыми для восприятия иронии контекстуальными и фоновыми знаниями» [Чумак, 2005, 75], а также условие неискренности, в данном случае понимаемое как косвенно выражаемое «намерение говорящего передать адресату информацию о собственной неискренности при осуществлении данного иллюкутивного акта» [Там же].

Э.Э. Паремужашвили [Паремужашвили 2012], проводя прагмалингвистический анализ иронических высказываний, приходит к выводу о том, что ирония представляет собой «агрессивный речевой акт», реализующий интенции «упрека, оскорбления, угрозы» [Паремужашвили, 2012, 142].

Ирония обусловлена параметрами ситуации общения, в которой она возникает, а также пресуппозициями коммуникантов, и выявить иронию, не владея этими данными, часто невозможно. Так, например, М.А. Слепцова определяет иронию как «имплицативную отрицательную оценку, выводимую на основании конфликта между псевдоположительной иллюзией эксплицитного высказывания и негативными экстралингвистическими параметрами речевой ситуации» [Слепцова, 2008, 9], и считает необходимым рассматривать иронию в контексте.

Необходимо помнить и о том, что ирония содержит в себе определенные коннотации, она всегда оценочна: «Ирония - это оценочное, эмоционально окрашенное высказывание; ирония скрывает различные эмоции: от страха до презрения, от гнева до легкого осуждения на фоне симпатии» [Там же].

Нам представляется важным изучение иронии в прагматическом аспекте, так как ирония — это явление многоплановое, обусловленное множеством факторов, а потому её рассмотрение как текста, представляющего собой антифразу-насмешку, в отрыве от ситуации возникновения иронического высказывания, а также состояния коммуникантов представляется неполным.

1.2. Юмор, ирония, насмешка, сарказм

Спорным в изучении иронии является вопрос об определении её места среди других видов комического.

Так, польский исследователь Б. Дземидок считает, что ирония несостоятельна как отдельный вид комического. По мнению автора, существует три метода комизма: юмористический, сатирический и «издевательский, или насмешливо-иронический» [Дземидок, 1974, 114]. Ирония представляется не творческим методом, но выразительным средством при создании комического, т.е. «одним из видов техники комического, используемым как сатирой, так и юмористикой. Она остается

замаскированной насмешкой, где скрытый смысл является отрицанием буквального» [Там же].

В лингвистике есть и противоположное мнение, подробно изложенное в исследовании К.А. Воробьевой [Воробьева 2008]. По убеждению автора, юмор и ирония имеют различия, достаточные для выделения последней как самостоятельной формы комического.

Так, автор, разграничивая юмор и иронию, приводит следующие различия: в ироническом высказывании скрываются «смешное под маской серьезного», «оценка происходящего», предполагаются «субъектно-объектные отношения», «социальное равенство» субъекта и объекта иронии или «более высокий статус» субъекта, ирония «служит размежеванию людей, групп», «допускает ответную реплику», «сильно зависит от контекста», поэтому «практически невозпроизводима», имеет «глубокое эмоциональное подключение» и производную от нее форму насмешки; в юмористическом же высказывании скрывается «серьезное под маской смешного», «оценка может отсутствовать», юмор «безличен, бессубъектен», «независим от статуса» коммуникантов, «объединяет людей», «не требует ответа», «свободен от контекста», поэтому «легко воспроизводим», не имеет «глубокого эмоционального подключения», а производным юмора является шутка [Воробьева, 2008, 33].

Производные юмора и иронии К.А. Воробьева определяет так:

Шутка – это «форма эмоциональной критики, которая носит дружелюбный, безобидный характер и направлена на объекты, не представляющие социальной опасности. По своей природе, как правило, шутка юмористична. Иногда шутка может носить иронический оттенок» [Воробьева, 2008, 25].

Насмешка – «разновидность комического, представляющая собой критику в форме неприкрытой издевки» [Там же]. Как мы отмечали ранее, в ироническом высказывании негативное отношение субъекта к объекту иронии имплицировано.

О.П. Ермакова [Ермакова 2007] утверждает, что «чаще всего ирония заключает в себе насмешку, но не всегда». По мнению автора, «многие случаи так называемой бытовой иронии, не адресованной лицу, не содержат насмешки, а представляют собой лишь шутивную реакцию на ту или иную ситуацию», «нередко за этим скрывается желание не показать огорчение или нежелание выразиться грубо, резко, в этом случае ирония играет роль своеобразного эвфемизма» [Ермакова, 2007, 186]. Автор подчеркивает, что «насмешка не может быть направлена ни на предмет, ни на ситуацию как таковую», «она всегда направлена на лицо, всегда на человека» [Там же]. Когда говорящий иронизирует над каким-то предметом действительности, он не насмехается над ним.

Автор объясняет это примерами иронического обозначения предметов: «Когда половую тряпку иронически называют *ковром*, а постеленную на стол газету - *скатертью* - это не насмешка над предметами и ситуацией, а либо самоирония, либо шутка, не содержащая насмешки» [Там же].

И.А. Шаронов [Шаронов 2004], рассматривая иронию и насмешку как приемы речевой агрессии, отмечает, что «лингвистическое определение иронии совмещает в себе два признака: с одной стороны, в нем утверждается прием «переворачивание смысла», с другой — вводится понятие «насмешка» [Шаронов, 2004, 41]. Определение иронии как «тропа, состоящего в употреблении слова в смысле обратном буквальному с целью тонкой или скрытой насмешки» [Ахманова, 1966, 179], по мнению автора, объединяет два признака, что «приводит к их конкуренции и в большинстве случаев — к победе эффекта насмешки над тропом иронии» [Шаронов, 2004, 41]. Подобное объединение кажется автору лишь отчасти верным, т.к. «не любая насмешка содержит в себе иронию, и не любая ирония насмешлива» [Шаронов, 2004, 51].

Ученый выделяет три типа иронии (контекстную, ситуативную и диалогическую) и утверждает, что «сочетание с насмешкой характерно вовсе

не для каждого из них, так как использование иронии бывает обусловлено иными коммуникативными задачами» [Шаронов, 2004, 46].

Контекстная ирония «используется внутри одного высказывания и выражается через семантическое рассогласование двух лексических единиц. Возникший ... парадокс преодолевается благодаря переосмыслению одной из этих единиц в смысле, обратном буквальному...» [Шаронов, 2004, 47]. И.А. Шаронов приводит следующие примеры контекстной иронии: «Лена «грозила» устроить летом пикник на даче; Иван может «заработать» выговор» [Там же]. По словам исследователя, слушающий может интерпретировать такое выражение как языковую игру, «как некоторый эстетический продукт в непринужденной, полшутливой атмосфере беседы» [Там же].

Ситуативная ирония «апеллирует к очевидной для участников коммуникативной ситуации», например: «*Неплохо для начала!* при опоздании на последнюю электричку, или в высказывании *Хорошенькое дело!* при получении внеурочной работы» [Там же]. С помощью подобной иронии говорящий может шутливо обыграть неприятную для него ситуацию.

Диалогическая ирония представляет собой «операцию не над словом, а над высказыванием, репликой диалога, речевым действием (или поведением) кого-либо» [Там же]. Такой тип иронии сочетается с насмешкой «как формой потаенного укола», т.е. «прием переворачивания смысла соединяется в диалогической иронии со стратегией насмешки, скрытого осуждения собеседника или третьего лица» [Там же]. И. А. Шаронов приводит пример подобного сочетания: «Вот если бы послать ваши вооруженные силы, чтобы расправиться с этой дрянью...» — «Благодарю вас за предложение, — возразил им лорд с изысканной иронией, — нашли дураков <...>. — У вас там во всю свирепствует эпидемия, а любой из моих матросов стоит больше, чем весь ваш паршивый остров». (М. Булгаков. «Багровый остров».)» [Шаронов, 2004, 48]. В приведенном примере говорящий соглашается притворно, на самом деле имея противоположное мнение о предмете речи.

Адресант, используя ироническую стратегию, скрывает в высказывании насмешку для «введения собеседника в заблуждение с целью дать ему возможность как бы вознестись в торжестве своей уверенности и с этой высоты «упасть на землю» [Там же].

Ю.В. Щурина [Щурина 1997], понимая виды комического как речевые жанры, отмечает, что основанием для дифференциации шутки, иронии и насмешки является характер преобладающей иллокутивной силы: «для РЖ-насмешки доминирующим будет иллокутивный компонент «нанесение ущерба адресату»; для РЖ-иронического высказывания определяющим будет наличие дополнительного компонента «стремление выразить отношение говорящего к объекту»... РЖ-Ш выделяется по признаку преобладания установки на комический эффект» [Щурина, 1997, 11].

Автор отмечает, что шутка, насмешка и ирония как речевые жанры «обладают собственными жанровыми характеристиками, существует возможность совпадения этих характеристик (их пересечения), что доказывает «смежность» этих РЖ, — так, установка на иронию может сопровождать Ш в качестве «иллокутивного довеска» [Там же], поэтому возможно появление иронических шуток.

И.Б. Шатуновский [Шатуновский 2016] называет такие высказывания шутками иронического типа, построенными по ироническому принципу. Отметим, что под ироническим принципом здесь понимается «принцип частичного соответствия и частичного несоответствия высказывания (или номинации) действительности» [Шатуновский, 2016, 290].

Шутки иронического типа, по мнению автора, возникают, если говорящий не намеревается реализовать агрессивный потенциал данного РА: «основное отличие таких шуток от собственно иронии в том, что если собственно ирония «критична» по отношению к своему объекту, то в случае просто шуток эта «критичность» отсутствует» [Там же]. Автор приводит следующие примеры шуток иронического типа:

1. «[Болельщики выбежали на поле и бьют арбитра. Футбольный комментатор:] Болельщики высыпали на поле с целью объяснить арбитру его ошибки (ТВ, канал «Евроньюс»). В каком-то смысле это так и есть! Ср. с очевидно ложным: ...с целью поблагодарить арбитра за хорошее судейство» [Шатуновский, 2016, 291]. Говорящий производит частично истинное высказывание, шутливо-иронически обыгрывая сообщение о том, что болельщики вышли на поле, чтобы избить арбитра. Представленный РА оказывается и ложным, вернее, умалчивающим истинное положение дел, представляющим его в более выгодном для арбитра свете (объяснение ошибок не всегда подразумевает под собой физическое насилие). Вторым вариантом построения высказывания, предложенный автором («Болельщики высыпали на поле с целью поблагодарить арбитра за хорошее судейство»), в большей степени соответствует ИРА: употребление слов «поблагодарить» и «хорошее» в ситуации, когда болельщики «благодарят» арбитра за «хорошее судейство» путем нанесения увечий, указывает на ложность высказывания, которую говорящий не пытался бы скрыть от зрителей и слушателей, владеющих пресуппозициями.

2. «Говорящий, глядя на поля, засеянные кукурузой: Да, Хрущев недаром прожил жизнь! Частично это истинно: ведь неплохо, что теперь здесь растет кукуруза, которую он так усиленно внедрял. Но, с другой стороны, это слишком мало для политического деятеля, главы страны на протяжении более 10 лет. Поэтому это (частично) ложно. В целом, огрубляя ироническую идею: «частично недаром, но в основном — даром, если это единственный результат его усилий» [Там же]. За счет появления на эксплицитном уровне частично истинного содержания говорящий смягчает ироническое высказывание, тем самым делая его шутливо-ироническим.

3. «Лектор аудитории: Я вам еще не надоел? С одной стороны, лектор, безусловно, может надоест, есть такая альтернатива, и в этом отношении вопрос уместный. С другой стороны, вопрос также предполагает, что аудитория может положительно ответить на этот вопрос; а вот наличие этой

альтернативы весьма проблематично, можно сказать, что ее практически нет: сказать это возбраняется правилами этикета и (для студентов) также «инстинктом самосохранения» (себя как студента), и лектор это прекрасно понимает. Это исходное предположение не соответствует действительности и делает вопрос несерьезным, шутливым, аномальным» [Там же].

Феномен иронических шуток ещё недостаточно исследован. Мы определили, что ИРА становится шутливым, когда говорящий, не стремясь выразить отрицательную оценку, реализует шутливые интенции в высказывании, построенном по ироническому принципу.

В.В. Чумак [Чумак 2005] понимает под сарказмом «вид иронии, выражающий язвительную и презрительную иронические насмешки», которые отличает более высокая «эмоциональная напряженность» [Чумак, 2005, 152-153], т.е. «сарказм является конвенционализированной формой иронии, которую невозможно не расшифровать, потому что саркастическое значение диаметрально противоположно прямому значению высказывания» [Чумак, 2005, 152]. Автор признает «относительную открытость иронического намерения единственной релевантной чертой, определяющей отличие сарказма от иронии» [Там же]. В.В. Чумак также различает язвительную и презрительную иронические насмешки: «для презрительной иронической насмешки, в отличие от насмешки язвительной, характерны более высокая интенсивность критического намерения и большая дистанция между автором и объектом». Данное мнение подкрепляется следующими примерами:

1. Язвительная насмешка:

«Intern: ... I feel lucky... I feel doubly fortunate now... having you... feeling the way we do about each other. Nurse: You are so sarcastic!

Ср.: Интерн. ... мне повезло, мне вдвойне повезло теперь, когда ты чувствуешь то же, что и я по отношению друг другу. Сестра. Какой же ты саркастический.

Отношения Интерна с Медсестрой строятся на иронических нападках друг на друга, оставаясь при этом весьма близкими» [Чумак, 2005, 153].

2. Презрительная насмешка. «Моряк с презрением отзывается о заботе местных властей о его семье, которую переселили из трущоб в отдельный коттедж. Он не желает признавать свою зависимость от них:

Sailor: Oh hoo, he's the grand man to talk. And look at the grand place he gives us... Lovely. Lovely.

Ср.: Моряк. Оу, он очень приятный в общении человек. И посмотри на это величественное место, которое он отвел нам...Восхитительно» [Там же].

А.Н. Войткова [Войткова 2010], сравнивая иронию с сарказмом, также отмечает более открытый характер выражения оценки в саркастическом высказывании: «саркастический КД [комический дискурс] понимается нами как открытая форма КД, где интенционально автор комического высказывания выражает резко отрицательное отношение к объекту смеха через прямое выражение насмешки, т.е. через лексические единицы с четко выраженной негативной семантикой», «иронический дискурс подразумевает, прячет в контексте критическое отношение к объекту смеха, а саркастический дискурс его открывает, негативная оценка очевидна из коммуникативной ситуации и обычно не имеет переносного значения» [Войткова, 2010, 57].

А.Н. Войткова приводит пример саркастического дискурса: « — Ну что, Мишка, как жизнь твоя протекает на Комариных болотах? — Нормально протекает. Как вода в Неве. Не хуже, чем у тебя в Рязани. <...> — Миш, ну почему ты Москву называешь Рязанью? Ты не любишь столицу нашей Родины? — Не-а, не люблю. <...> А Рязань и есть. Девяносто процентов населения приехали из колхозов и перемешались с остатками ваших мещан. Получилась Большая Рязань. Вместо коров на улицах — стада джипов с быками внутри, в ресторанах — пастбища гламурных коз. В головах — деньги да карьеры. Странно, как вы еще церкви под клубы не используете. Там же акустика хорошая» [Войткова, 2010, 57-58]. В

приведенном примере «четко прослеживается враждебное отношение к концепции современной жизни в столице: отсутствие духовности, стремление к гламурной, светской жизни... выражается это отношение продуманными метафорическими оборотами» [Войткова, 2010, 58].

Н.А. Волкова [Волкова 2005] называет иронию и сарказм «промежуточными формами между сатирой и юмором» и считает их «более широкими понятиями по сравнению с шутками и насмешками» [Волкова, 2005, 45].

К.М. Шилихина, дифференцируя иронию, юмор и сарказм, выделяет следующие критерии разграничения данных видов комического: «степень кооперативности говорящего, наличие игры/притворства, возможности метапрагматических комментариев собственных речевых действий... обязательность и эксплицитность выражения деонтической оценки (т.е. оценки по шкале «должное — данное»), а также апелляция к разуму или эмоциям адресата» [Шилихина, 2014, 173]. Так, ироническое высказывание не соответствует ситуации или ожиданиям говорящего, что отличает его от шутливого, которое коррелирует с действительностью до кульминационного момента. Кооперативность иронического высказывания неочевидна вследствие его косвенности, в то время как степень кооперативности юмора высокая, потому что он «способствует укреплению внутригрупповых связей» [Шилихина, 2014, 174], а саркастическое высказывание внешне вовсе противоречит принципу кооперации (см. Таблицу 1 в Приложении 1). Выражение деонтической оценки в шутливом высказывании не обязательно, в ироническом — выражается в имплицитно, а в саркастическом — эксплицитно (см. Таблицу 2 в Приложении 1).

Представляется важным также рассмотрение при разграничении иронии и насмешки возможных коллокаций — «относительно устойчивых словосочетаний, знание которых составляет важную часть языковой компетенции носителя языка» [Шилихина, 2014, 224]. В своем исследовании К.М. Шилихина пишет о том, что «коннотации прилагательных, с которыми

регулярно встречаются ... существительные, выражают метапрагматическую оценку» [Там же].

Приведем некоторые эпитеты, с которыми может употребляться слово «ирония»: «безжалостная, безобидная, бичующая, бодрая, веселая, Вольтерова (устар.), вольтеровская, горькая, грубая, грустная, деликатная, добродушная, дружелюбная, едкая, жгучая, желчная, злая, злобная, изощренная, изящная, колючая, легкая, мефистофелевская, незлобивая, неприятная, нескрываемая, осторожная, пикантная, сдержанная, скрытая, терпкая, тонкая, тяжелая, тяжеловесная, убийственная, утонченная, холодная, ядовитая, язвительная. Бесплодная, кроваво-оскорбляющая, радостная, угрюмая» [Словарь эпитетов русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/epithets/ирония>]. Стоит отметить, что адъективные сочетания могут отличаться друг от друга частотой употребления (см. Таблицу 3 в Приложении 1). Так, К.М. Шилихина, анализируя данные НКРЯ, приходит к выводу о том, что чаще всего иронию носители русского языка называют горькой (14,8 % от общего количества употреблений), легкой (10,2 %) и злой (6,9%). Если также обратиться к списку адъективных сочетаний, приводимых К.М. Шилихиной, можно увидеть, что носители русского языка через прилагательные выражают положительную и отрицательную оценку (см. Таблицу 4 в Приложении 1), хотя характернее для иронии отрицательная семантическая просодия, под которой понимается то, «каким образом коннотативные свойства окружения, в котором встречается слово, распространяются и на само слово» [Шилихина, 2014, 229].

Разделяя позиции К.А. Воробьевой [Воробьева 2008], О.П. Ермаковой [Ермакова 2007; Ермакова 2011], В.В. Чумака [Чумак 2005] и других исследователей, мы считаем, что ирония — самостоятельная форма комического, имеющая как сходства, так и различия с понятиями юмора, насмешки и сарказма.

Вслед за К.М. Шилихиной [Шилихина 2014] мы понимаем иронию как высказывание, не соотносящееся с реальной ситуацией, отличающееся

наличием притворства говорящего, а также выраженной имплицитно отрицательной оценки [Шилихина, 2014, 183].

1.3. Дефиниции лексем «ирония», «иронизировать» в лексикографических источниках

Лексемам «ирония» и «иронизировать» лексикографические источники дают разные толкования. Рассмотрим определения понятий, которые приводятся в толковых словарях:

Ирония — «тонкая, скрытая насмешка, выраженная в скрытой форме. *Злая и. И. судьбы* (перен.: странная случайность)» [Ожегов 2007, с.248].

Ирония — «риторическая фигура, в которой слова употребляются в смысле, обратном буквальному, с целью насмешки (лит.), напр. слова лисицы ослу: «Откуда, умная, бредешь ты, голова?» Крылов. || Тонкая насмешка, прикрытая серьезной формой выражения или внешне положительной оценкой. *В его похвалах чувствовалась злая и. Сказать что-н. с иронией*» [Ушаков 2014, с.197].

Ирония — «это разновидность юмора, в котором скрыта тонкая насмешка. *Говорить с иронией. | Я поймал на себе его взгляд, полный иронии. | В его словах сквозила ирония*» [Дмитриев 2003].

Ирония — «тонкая насмешка, прикрытая серьезной формой выражения или внешне положительной оценкой» или «стилистический приём контраста видимого и скрытого смысла высказывания, создающий эффект насмешки (в литературоведении)» [Ефремова 2006].

Иронизировать — «относиться или говорить с иронией» [Там же].

В философских словарях, помимо приведенной нами ранее выдержки из Философского энциклопедического словаря, данные лексемы определяют так:

Ирония — это «форма насмешки. Различают: 1) добрую иронию, или «сократическую иронию», начало которой — наше чувство, что мы чего-то не знаем, выражающееся в наивном вопрошании (Сократ, например, просил политиков определить сущность политики; медиков — определить прежде

всего сущность медицины); 2) романтическая злая ирония — разрушительная ирония, в основе которой — чувство нашего бессилия перед лицом судьбы». [Жюлиа 2000, с.163].

Ирония — это «риторический прием, разновидность металогизма, суть которого заключается в простом отрицании референта, в несовпадении того, что говорится, и того, что имеется в виду. Поскольку И. изменяет логическое значение фразы и вносит путаницу в порядок внелингвистической реальности, издавна широко распространено представление, что И. - это форма поведения. Аристотель ("Большая этика") писал, что "притворщик... делает вид, что имеет меньше, чем на самом деле, и не говорит того, что знает". Прообразом притворщика мог бы считаться Сократ, который, по словам Платона ("Пир"), "морочил людей притворным самоуничижением", соединяя в своих речах с соответствующей самоуничижению непритязательностью божественное содержание» [Кемеров 1998, с.364].

Литературная энциклопедия дает такое определение понятия «ирония»: «ИРОНИЯ [греческое *eironeia* — притворство] — явно-притворное изображение отрицательного явления в положительном виде, чтобы путем доведения до абсурда самой возможности положительной оценки осмеять и дискредитировать данное явление, обратить внимание на тот его недостаток, к-рый в ироническом изображении заменяется соответствующим достоинством.

Подчеркнутость притворного тона — необходимое условие для осуществления И. Поэтому имя «Эвмениды» (буквально — «милостивые»), дававшееся древними греками неумолимым богиням-мстительницам Эринниям, при явном, прямом противоречии с действительностью. <...> Аналогичен и смысл имени «Парки» (буквально — «щадящие»), присвоенного у римлян беспощадным богиням судьбы. <...> Изображая отрицательное явление в положительном виде, И. противопоставляет так. обр. то, что должно быть, — тому, что есть, осмеивает данное с точки зрения должного» [ЛЭ 1930].

К сожалению, не во всех источниках приводятся примеры употребления лексем «ирония» и «иронизировать», а также речевых реализаций иронии. Тем не менее, мы видим, что иронию понимают по-разному: как форму насмешки, риторическую фигуру или прием, философско-эстетическую категорию или прием, отрицание или осмеяние и т.д. Исходя из данных дефиниций, иронию можно определить как отрицательную оценку, выражаемую непрямо с помощью подчеркнута притворного тона, посредством употребления слов в смысле, не соответствующем в той или иной степени буквальному.

1.4. Ирония в языке и речи

1.4.1. Языковые средства и приемы выражения иронии

Ирония может выражаться множеством языковых средств и приемов.

Лексические средства выражения иронии представлены такими единицами языка, которые способны в разных коммуникативных ситуациях передавать различные оценки. Это может быть как нейтральная лексика, иронически осмысленная говорящим, так и оценочные слова, обретающие дополнительные значения в контексте. Маркером оценки выступают компоненты смысла, которые указывают на ее наличие в высказывании, не выражая при этом оценки эксплицитно, что провоцирует адресата на поиск скрытого содержания.

На уровне лексики О.П. Ермакова [Ермакова 2011] выделяет семантические типы слов, которые часто подвергаются иронии:

1. Оценочные слова:

а) с положительной оценкой («*Какая прелесть! Как мило!*» (о низком поступке, о подлости и т.п.))» [Ермакова, 2011, 85]);

б) с отрицательной оценкой («*Он ругал меня последними словами. Я нашел его поведение **неделикатным***» [Там же]);

2. Слова с чисто номинативными значениями («*Нельзя ли **ковер** убрать?*» [о тряпке перед дверью])» [Там же]);

3. Количественные (с неопределенно-количественным значением): «*Масса народу*», - *сказал режиссер, увидев в зрительном зале несколько человек*» [Там же];

4. Модальные:

а) модальные глаголы («*Она всегда сумеет обо что-нибудь стукнуться*» [Ермакова, 2011, 86]);

б) собственно модальные слова (как класс слов), частицы:

«— *Ты веришь в вечную любовь?*

—*А как же! Я ее на каждом шагу встречаю. Только вечную и встречаю*» [Там же].

Автор также выделяет некоторые языковые приемы создания иронии в художественных и публицистических текстах:

1. «Введение в текст модальности предположения при полной несомненности содержания высказывания или очевидности ситуации — употреблением модальных слов — *вероятно, очевидно, кажется, возможно* и т.п.», например: «*Кажется* (мне думается и т.п.), *идет дождь* — говорит один из людей, попавших под ливень» [Ермакова, 2011, 67];

2. «Введение в текст модальных слов, выражающих уверенность, убежденность в абсурдном утверждении. В этих случаях модальные слова выполняют роль интенсификаторов иронии», например:

«*В Гомеле добрые души советовали нам проехать до Киева на пароходе: «Будете проезжать мимо острова, где засела какая-то банда. Банда все пароходы обстреливает из пулемета».*

—*Прогулка, очевидно, очень уютная.*

Но мы все-таки решили ехать по железной дороге» [Ермакова, 2011, 67-68];

3. «Утверждение абсурда в качестве известной истины. Для этого используются модели: *Известно, что... Доказано, что... Оказалось, что... Понятно, что...* и т.п.», например: «*Известно, что порядочный человек тот,*

кто делает гадости без удовольствия (С. Довлатов, Компромисс. Компромисс десятый)» [Ермакова, 2011, 69-70];

4. Ироническое сравнение, например:

«—*Оттого, - пояснила злобно Лерка, - что ты вешишь, как былинка, сто пятьдесят килограммов.*

— *Всего сто двадцать, - уточнил Филя (Д. Донцова, Чудовище без красавицы)*» [Ермакова, 2011, 75].

5. Часто иронию облачают в форму риторического вопроса: «*Вы книжки только пишете, или когда-нибудь вы их все же читаете?* (Фигль-Мигль, Мюсли «Звезда», 2005/6)» [Ермакова, 2011, 77].

Е.В. Булатая [Булатая 2017] дает свою классификацию лексических и синтаксических средств выражения иронии, приводя к каждому виду примеры из произведений Н.В. Гоголя в оригинале и в переводе на немецкий язык. Лексические средства автор выделяет по частеречной принадлежности, по словообразовательным и семантическим характеристикам:

1. Имена прилагательные, которые подвергаются ироническому переосмыслению и «служат актуализации иронического смысла в контексте» [Булатая, 2017, 73]. Автор приводит пример употребления имени прилагательного в ироническом значении: «*Прекрасный человек Иван Иванович! Какой у него дом в Миргороде! Вокруг него со всех сторон навес на дубовых столбах, под навесом везде скамейки. <...> Прекрасный человек Иван Иванович! Он очень любит дыни. Это его любимое кушанье. Как только отобедает и выйдет в одной рубашке под навес, сейчас приказывает Гапке принести две дыни. И уже сам разрежет, соберет семена в особую бумажку и начнет кушать*» (Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, 308). Прилагательное «прекрасный» со значением «отличающийся необыкновенной красотой, очень красивый; очень хороший; превосходный» (МАС) получает в контексте новые эмоционально-оценочные коннотации. Авторская ирония сквозит в характеристике Ивана Ивановича как «прекрасного» человека, подтверждением которой в первом случае

служит описание достоинств его дома, во втором – его особенной страсти к дыням» [Там же].

2. Имена существительные и именные словосочетания, например: «Кумова жена была такого рода *сокровище*, каких немало на белом свете. Так же как и ее муж, она почти никогда *не сидела дома* и почти весь день *пресмыкалась у кумушек и зажиточных старух*, хвалила и ела с большим аппетитом и *дралась* только по утрам с своим *мужем*, потому что в это только время и видела его иногда» (Ночь перед Рождеством, 97). Семантика имени существительного *сокровище* «о ком-л., чем-л. ценном, дорогом для кого-л.» (МАС) не сочетается с отрицательным смыслом словосочетаний и слов *не сидеть дома*, *пресмыкаться у кумушек и зажиточных старух*, *хвалить*, *есть*, *драться с мужем* и обуславливает семантическое несоответствие в контексте, в результате которого существительное *сокровище* получает отрицательную коннотацию» [Булатая, 2017, 81].

3. Глаголы и глагольные словосочетания, например: «Городничий. А Прохоров пьян? Частный пристав. Пьян. Городничий. Как же вы это допустили? Частный пристав. Да бог его знает. Вчерашнего дня случилась за городом драка, – *поехал* туда для порядка, а *возвратился пьян*» (Ревизор, 174)» [Булатая, 2017, 86]. Положительное по смыслу выражение «поехать для порядка» вытекает в неожиданное следствие «возвратиться пьяным», «объектом авторской иронии выступают стражи правопорядка, которые сами же являются источником его нарушения и пренебрегают своими обязанностями» [Там же].

4. Имена собственные, например: «Она зовется так, то есть ее прозвание *Маниловка*, а *Заманиловки* тут вовсе нет. <...> Деревня Маниловка немногих могла *заманить* своим местоположением» (Мертвые души, 49)» [Булатая, 2017, 89]. Оценочный топоним Маниловка образован от глагола «манить», и это, как утверждает автор, «косвенно указывает на то, что помещик Манилов является человеком радушным, вызывающим к себе симпатию. Однако автор с иронией противопоставляет имя собственное

Маниловка имени собственному Заманиловка, образованному, в свою очередь, от глагола заманить «привлекая чем-л., заставить прийти, оказаться где-л.; завлечь» (МАС), что актуализирует несколько неодобрительное отношение к помещику и деревне» [Там же].

5. Лексемы с однотипными аффиксами, например: «Насчет благовидности, уже известно, все они были люди надежные, чахоточного между ними никого не было. Все были такого рода, которым жены в нежных разговорах, происходящих в уединении, давали названия: *кубышки, толстунчика, пузантика, чернушки, кики, жужу* и проч.» (Мертвые души, 191)» [Булатая, 2017, 96]. В данном примере представлены «чиновники высшего общества с помощью иронического описания нежного обращения к ним их жен посредством употребления искусственных любезностей, прозвищ фамильярного характера», что «изобличает не только пустоту и поддельность данных обращений, но и всю пошлость представителей чиновничьих слоев общества, скрытую за внешне положительной, «красочной оболочкой» [Там же].

Среди синтаксических средств выражения иронии автор выделяет:

1. Локальные повторы, к которым относятся «повторы не только с контактным, но и дистантным расположением повторяющихся элементов» [Булатая, 2017, 104], например: «Здесь просто приятная дама объяснила, что это отнюдь не пестро, и вскрикнула: – Да, поздравляю вас: оборок более не носят. – Как не носят? – На место их *фестончики*. – Ах, это нехорошо, *фестончики!* – *Фестончики*, всё *фестончики*: пелеринка из *фестончиков*, на рукавах *фестончики*, эполетцы из *фестончиков*, внизу *фестончики*, везде *фестончики*. – Нехорошо, Софья Ивановна, если всё *фестончики*» (Мертвые души, 218)» [Булатая, 2017, 106]. В примере десять раз повторяется лексема «фестон» в уменьшительно-ласкательной форме, что создает иронический подтекст, целью которого является «обличение мещанского вкуса и приземленности интересов дам изображаемого общества» [Там же].

2. Восклицательные предложения, которые являются достаточно частотным средством выражения иронии. Автор приводит пример, в котором восклицательные предложения служат иронической гиперболизации изображаемых явлений: «*Какая* быстрая совершается на нем [Невском проспекте. – Е.Б.] *фантасмагория* в течение одного только дня! *Сколько* вытерпит он перемен в течение одних суток!» (Невский проспект, 4)» [Булатая, 2017, 117]. Здесь ирония также возникает «за счет преувеличения им [автором] значимости всего происходящего на Невском проспекте, чему способствуют усилительное местоимение *какая* и местоименное наречие *сколько*, обозначающее большое количество чего-либо, в сочетании со стилистически книжным существительным *фантасмагория*» [Там же].

3. Риторические вопросы, которые, по словам автора, «предоставляют читателю возможность самостоятельно сделать выводы», «создавая в художественном тексте эффект недосказанности» [Булатая, 2017, 126]. Пример автора: «Светского человека нечего винить, что он не смыслит в живописи; зато он смыслит в картах, знает толк в хорошем вине, в лошадях, – *зачем знать больше барину?* Еще, пожалуй, как попробует того да другого да пойдет умничать, тогда и житья от него не будет!» (Портрет, 102)» [Булатая, 2017, 128]. В данном риторическом вопросе «скрыто отрицательное содержание», «передано негодование и сожаление писателя по поводу отсутствия у светских людей всякого интереса к настоящей живописи, их ограниченности» [Там же].

К.М. Шилихина [Шилихина 2014] пишет о следующих стратегиях и тактиках создания иронии:

1. Вербальная стратегия, которая «проявляется в намеренном отступлении от конвенций узуса или языковой нормы, в нетривиальном использовании лексических, грамматических или стилистических языковых средств» [Шилихина, 2014, 125]. Автор выделяет в рамках данной стратегии следующие тактики:

1.1. лексические (антифразис, антонимия, дискурсивные слова, энантиосемия, гиперболы, литота, метафора, нетривиальная лексическая сочетаемость, нетривиальная номинация, игра слов). Некоторые примеры автора:

«Шла предвыборная кампания, и помещение в мэрии было арендовано, чтобы не вызывать у конкурентов ненужных вопросов о ненадлежащем использовании премьерской резиденции (или, вернее, ненадлежащих вопросов о ненужном использовании)» [Шилихина, 2014, 131] — нетривиальная лексическая сочетаемость.

«Как всегда, высказаться коротко у Суркова не получилось, и подвал газеты «Ведомости» затопило прорвавшимся энтузиазмом первого зама руководителя администрации президента» [Шилихина, 2014, 130] — метафора.

«Он открыл нам глаза, кардиолог Хренов.

Ср. со следующим контекстом:

– Ладно, разведчик хренов, – бурчит отец, обнимает за плечи и целует в висок...» [Шилихина, 2014, 133].

1.2. стилистические, заключающиеся во «включении в текст слов, выделяющихся по своим стилистическим свойствам, т.е. речь идет об использовании слов либо принадлежащих высокому стилю, либо слов разговорных или просторечных» [Шилихина, 2014, 133]. Пример автора: *«У нас очень смешной президент – Медведев. Свою работу они видит в том, чтобы тыркать пальцем во все, что не работает, и требовать, чтобы это заработало»* [Там же];

1.3 грамматические тактики, которые связаны с отступлением от грамматических норм (окационализмы, сослагательное наклонение, вводные конструкции, употребление имен собственных в форме множественного числа). Некоторые примеры автора:

«Виктория, как вы считаете, наступило ли, благодаря усилиям разнообразных Госдум, Роскомнадзоров и других контролирующих

инстанций, все-таки наступила ли в нашем обществе сексуальная контрреволюция? [телевизионное ток-шоу]» [Шилихина, 2014, 134] — употребление личных имен в форме множественного числа.

«Комментарий читателя к новости о дорожно-транспортном происшествии, в котором столкнулись автомобили полиции и ГИБДД:

Сколько бы они игровых автоматов закрыли, если бы не разбились, страшно подумать [интернет-коммуникация]» [Шилихина, 2014, 135] — использование сослагательного наклонения.

2. Когнитивная стратегия использует «имеющиеся у коммуникантов знания о мире и о том, какое положение дел считается нормальным» [Шилихина, 2014, 138]. Данная стратегия разбивается на две тактические группы:

2.1. Логическое нарушение/противоречие, например, *«Чиновникам нельзя работать бесконечно. Поэтому они решили не работать совсем»* [Там же].

2.2. Семантическое несоответствие высказывания реальному положению дел, выражающееся с помощью: а) высказываний, противоречащих здравому смыслу; б) абсурдных высказываний, т.е. противоречащих общепринятым представлениям об устройстве мира; в) правдоподобной иронии, т.е. «высказывания, эксплицирующего некоторую социальную норму в ситуации ее очевидного нарушения» [Шилихина, 2014, 140]; г) высказываний-намеков, имплицитно указывающих на «несоответствие между реальным и возможным ходом событий» [Там же].

Примеры автора:

а) *«Виктор Кирьянов постоянно летал по встрече и лишь однажды сбил человека. Ему можно доверить безопасность не только на дорогах, но и в небе* [<http://twitter.com/kermlinrussia>]» [Шилихина, 2014, 139];

б) *«Ледяная глыба, упавшая на губернатора Санкт-Петербурга Валентину Матвиенко, пользовалась бы поддержкой 97,2% жителей города»* [Там же];

в) *«Конечно, религиозным людям глубоко неприятно смотреть, как страна пьёт и веселится. Они чувствуют себя чужими и обиженными [блог, интернет-коммуникация]» [Шилихина, 2014, 140];*

г) *«Есть, кстати, странное совпадение, замеченное очень многими: «неэффективные» вузы в большом количестве случаев занимают отличные места в центре городов, очень хорошие, а то и прямо «исторические» здания (что, конечно, неправильно – подобное хозяйство можно использовать куда более рационально) [С. Неклюдов. «Гильотина как эффективное средство от мигрени». <http://polit.ru/article/2012/11/27/edu/>» [Там же].*

3. Риторические тактики базируются на «имеющемся у коммуникантов знании о том, как должен быть организован семантически целостный текст» [Шилихина, 2014, 142]:

3.1. Сознательное отступление говорящего от канонической структуры текста (риторические вопросы, комментарии или восклицания), например, *«Я сотрудник РГГУ, в прошлом году я делала доклады на конференциях в Оксфорде, Эколь Нормаль Суперьер, в университетах Тулузы и Токио – не говоря о России, я получаю 12 тысяч рублей. **Правильно ли я понимаю, что я научно неэффективна?** [комментарий к требованию отменить рейтинг эффективности вузов на сайте www.change.org]» [Шилихина, 2014, 143]*

3.2. Использование интертекстуальных связей (цитирование, перефразирование или использование анекдотов). Пример автора:

«М.ВЕЛЛЕР: Карнавальная культура мне близка – это совсем другое дело. Участвовать в карнавале и участвовать в карнавальной культуре... Простите, пожалуйста, вся наша политика – это прекрасная карнавальная культура. Все слышат одно, подразумевают другое, делают третье. Мы уже вернулись на более высоком...

О.ЖУРАВЛЕВА: Меняются местами, меняются масками.

М.ВЕЛЛЕР: Да-да-да, конечно. ...на более высоком диалектическом витке мы вернулись к эпохе брежневского швейкизма. Но лица моложе, вот, как-то люди задорнее, тексты...

О.ЖУРАВЛЕВА: «Мы стали более лучше одеваться», как сказала одна прекрасная девушка» [Шилихина, 2014, 145].

Важно понимать, что не все из приведенных выше средств и приемов частотны в разговорной речи, некоторые из них функционируют преимущественно в письменной речи, например, в художественных произведениях и публицистических текстах.

Для исследования иронии в рамках устного общения нам представляется важным учитывать тон голоса, интонацию, с которой произносится иронический речевой акт, т.к. «интонация иногда оказывается единственным средством “дешифровки” коммуникативного намерения говорящего» [Сухова, 2002, 109].

Тональность — «текстовая категория, в которой находит отражение эмоционально-волевая установка автора текста при достижении конкретной коммуникативной цели, психологическая позиция автора по отношению к излагаемому, а также к адресату и ситуации общения» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2003].

Е.Л. Фрейдина понимает тональность в речевом общении как «фактор, который отражает характер отношений участников коммуникации (равноправие или подчиненность, степень знакомства, общность интересов и т.д.)» [Фрейдина, 2015, 283] и выделяет *функциональную* и *межличностную* тональности.

Первая, как утверждает автор, «связана с коммуникативными задачами говорящего и включает те языковые средства, которые используются в определенной ситуации для определенных целей», «для обучения, убеждения, рекламы, развлечения и т.д.», также функциональную тональность «отождествляют со стилизацией (например, «разговорная тональность») [Там же].

Межличностная тональность «непосредственно связана с отношениями между участниками дискурса, которые могут быть оценены по шкалам «официальные – неофициальные», «доброжелательные – недоброжелательные», «вежливые – невежливые», «кооперативные – конфликтные» и т. д.» [Там же].

Ироническую тональность Е.Л. Фрейдина относит к межличностной и называет сферой её функционирования конфликтный дискурс, а также отмечает, что «значительные сложности в межкультурном общении представляет «считывание» сигналов иронической тональности», потому что «интонация является важнейшим средством реализации иронии и «ключом» к ее декодированию», а «при неправильной интерпретации интонационных сигналов иронической тональности могут возникать серьезные коммуникативные срывы». Например, «если преподаватель строит свое высказывание в иронической тональности и говорит, обращаясь к студенту: “That's quite an achievement” (Вот это достижение!), последний интерпретирует высказывание как похвалу, хотя коммуникативная интенция говорящего состоит в выражении критики и неодобрения» [Фрейдина, 2015, 288].

Г.Е. Крейдлин отмечает, что «существуют особые звучания, отличающие саркастическую или ироническую речь, то есть передачу некой позитивной информации при звуковом или интонационном выражении отрицательного отношения говорящего к кому- или чему-либо» [Крейдлин, 2002, 32].

Таким образом, можно утверждать, что ирония в живой речи сопровождается особым произнесением, в котором выражается отрицательная оценка и негативные эмоции, переживаемые говорящим.

1.4.2. Ирония в свете теории речевых актов

Многие исследователи рассматривают иронию в свете теории речевых актов [Палкевич 2001; Чумак 2005; Слепцова 2008; Паремущашвили 2012; Черкасова, Макарова 2017 и др.], которая базируется на работах Дж. Остина

[Остин 1999] и Дж. Сёрля [Сёрль 1986]. Речевой акт (далее – РА) — это «высказывание, порожаемое и произносимое с определенной целью и вынуждаемое определенным мотивом для совершения практического или ментального действия с помощью такого инструмента, как язык/речь» [Формановская, 2002, 111].

Классификации РА часто основываются на характере намерений говорящего. Речевые интенции могут выражаться прямо и косвенно. Н.И. Формановская делит косвенные РА на конвенциональные косвенные, которые «распознаются в своем интенциональном значении в единичном высказывании, изолированном от контекста» [Формановская, 2002, 118], и контекстуально-ситуативные косвенные (далее – КСКРА), «которые в изолированном от контекста виде не распознаются носителями языка со стороны того интенционального значения, ради которого произведен РА» [Там же]. Иронические РА (далее – ИРА) представляют собой КСКРА и относятся к области непрямой коммуникации [Нестерова, 2015, 157].

ИРА, как и любые другие РА, содержат в себе одну интенцию или более. Н.И. Формановская определяет речевую интенцию как «намерение, замысел сделать нечто, выполнить действие с помощью такого инструмента, как язык — речь — высказывание, т.е. осуществить речевой акт» [Формановская, 2002, 125]. Следовательно, ИРА воспроизводятся в речи с определенным коммуникативным намерением, а также являются полиинтенциональными, если намерений два и более.

По утверждению О.Я. Палкевич [Палкевич 2001], при создании ИРА говорящий имплицитно истинные интенции, скрывая их за ложными, реализуя «симулированную ложь по следующей схеме:

1. р неверна/ неуместна;
2. S выражает р,
3. S знает, что р неверна/ неуместна,
4. S хочет, чтобы Н знал об этом» [Палкевич, 2001, 44].

ИРА могут обладать разной иллокутивной силой, т.е. передавать с меньшей (явная ирония) или большей (тонкая ирония) степенью интенсивности интенции говорящего. ИРА также выражают «коммуникативные смыслы, которые могут иметь только не прямое выражение», т.е. являются «иллокутивным самоубийством» в случае прямого выражения [Нестерова, 2015, 157].

Как отмечает ряд исследователей, ИРА является проявлением агрессивного речевого поведения [Шаронов 2004; Анохина 2008; Паремужашвили 2012]. Так, Э.Э. Паремужашвили понимает иронию как «функционирующий в структуре не прямой коммуникации» РА, содержащий «агрессивный потенциал, выраженный в скрытой форме агрессии или злой шутки» [Паремужашвили, 2012, 139].

М.А. Слепцова так же рассматривает ИРА: «Когда речь идет об ироническом высказывании, мы имеем дело с косвенным речевым актом» [Слепцова, 2008, 122].

В.В. Чумак определяет иронический РА как «сложный РА, иллокутивная сила которого порождается в результате взаимодействия иллокутивной силы простого РА с ироническим намерением говорящего» [Чумак, 2005, 78].

Рассмотрение иронии с точки зрения ТРА представляется нам актуальным.

1.4.3. Ирония как косвенный речевой акт. Иронические речевые акты

Ранее мы отнесли ИРА к КСКРА, т.к. ирония не распознается вне коммуникативной ситуации. ИРА являются неоднородными по своим интенциям, т.е. говорящий, производя ироническое высказывание, может преследовать разные цели, иметь те или иные коммуникативные намерения.

В.В. Чумак [Чумак 2005] приводит классификацию ИРА, в основе которой лежат различия между коммуникативными целями говорящего:

1. Иронические ассертивы. По мнению автора, в речевом акте «ассертивная цель состоит в том, чтобы сказать, как обстоят дела», т.е. «в произнесениях, преследующих ассертивную цель, говорящий имеет в виду, что пропозиция репрезентирует действительное состояние дел в мире произнесения. Под пропозицией понимается смысловая структура предложения, отражающая отношения реальной действительности» [Чумак, 2005, 15]. Иронические ассертивы «осуществляются в результате нарушения говорящим условия искренности, предусматривающего убежденность говорящего в соответствии его утверждения действительному положению дел. Это нарушение сопровождается несоблюдением автором иронического утверждения одного из требований, предъявляемых общими предварительными условиями - требований мотивированности или неочевидности утверждаемого» [Чумак, 2005, 17]. В группу иронических ассертивов В.В. Чумак включает РА обвинения, одобрения, похвалы, уверения, клятвы и некатегорического утверждения.

Автор приводит пример иронического ассертива, в котором наблюдается нарушение требований мотивированности:

«Eloise: Good morning. Raoul: Good morning. Eloise: You will be pleased to hear that I slept excellently.

Ср.: Элойз: Доброе утро. Рауль: Доброе утро. Элойз: Ты даже и не представляешь, как я отлично поспала» [Чумак, 2005, 17-18].

Автор обращает внимание на то, что Рауль негативно относится к Элоизе, о чем она знает. Утверждение Элоизы лишено оснований, т.е. не мотивированно, а для адресата необоснованность утверждения говорящего является показателем иронической неискренности.

В.В. Чумак также приводит пример иронического ассертива, в котором нарушается требование неочевидности утверждаемого:

«Gowran: Foreigners! Clipper: Crossing the Channel, dad, one finds the world is full of them.... Gowran: England for the English.

Ср.: Горан: Иностранцы! Криппер: На континенте, отец, их полным полно. Горан: Англия для англичан.

В этом примере Криппер сообщает собеседнику то, что является банальной истиной, тем самым выдавая очевидное за новое. Хотя данное утверждение представляет действительное положение, оно неискренне, поскольку говорящий намеренно лишает его статуса сообщения, пытаясь показать адресату, что претензии, которые тот предъявляет иностранцам, несостоятельны» [Чумак, 2005, 18].

2. Иронические комиссивы. Автор пишет, что «в произнесениях, имеющих комиссивную цель, говорящий принимает на себя обязательство реализовать линию действий, репрезентированную пропозициональным содержанием» [Чумак, 2005, 33]. Иронические комиссивы «осуществляются в результате нарушения говорящим условия искренности, предполагающего наличие у говорящего намерения совершить действие» [Чумак, 2005, 34]. Важно, что говорящий в состоянии выполнить называемое действие, а также коммуниканты убеждены в том, что действие не произойдёт само собой. Таким образом, говорящий «обещает совершить действие, которое, по каким-либо причинам, совершить не может» [Чумак, 2005, 34]. Автор приводит примеры иронического комиссива:

«Mrs.Flint: A nice thing if Mr. Whatsisname next door 'appens to go out into the garden and looks up. Ethel: We'll send him a note asking him to keep his head down. Mrs. Flint: It's all very fine to laugh.

Ср.: Миссис Флинт: Хорошенькое дело, если наш сосед, как там его зовут, выйдет на улицу в сад и заглянет в окно. Этель: Мы пошлём ему записку с просьбой не смотреть в наши окна.

В примере Этель обещает миссис Флинт послать соседу записку с просьбой не смотреть в их окна. Скорее всего, она сделать это не может, поэтому такое обещание явно неискренне и иронический смысл легко расшифровывается адресатом» [Чумак, 2005, 34-35].

3. Иронические директивы. Цель директивного РА заключается в том, чтобы «попытаться заставить кого-то другого (других) сделать нечто», «в произнесениях, имеющих директивную цель, говорящий пытается побудить слушателя реализовать линию действий, репрезентированную пропозициональным содержанием» [Чумак, 2005, 41]. Иронические директивы создаются путем «нарушения говорящим условия искренности, отражающего тот факт, что говорящий хочет побудить адресата совершить действие» [Чумак, 2005, 42]. При произнесении иронического директива, как утверждает автор, говорящий не соблюдает требования, которые «предполагают способность адресата совершить действие и убежденность коммуникантов в том, что действие не произойдет само собой или что состояние дел, которое является результатом действия, еще не имеет места» [Чумак, 2005, 42]. В одном из примеров, приводимых автором, говорящий призывает собеседника выполнить уже производимое действие:

«Colin: How wonderful - a row! Don't stop! David: I'm not rowing.

Ср.: Колин. Как чудесно - скандал. Продолжай. Давид. А я не скандалию» [Чумак, 2005, 44].

4. Иронические квеситивы (ИРА вопроса). Как отмечает автор, квеситивы сходны с директивами, т.к. «оба они предназначаются для того, чтобы вызвать действия адресата, с тем существенным различием, что для директива это любые действия, включая и речевые, для квеситива — это только речевые действия» [Чумак, 2005, 48]. Квеситивная цель — «попытаться побудить адресата к совершению речевых действий с целью снятия разности информационных потенциалов говорящего и адресата» [Чумак, 2005, 49]. Иронические квеситивы «осуществляются в результате нарушения говорящим условия искренности, предусматривающего то, что говорящий хочет получить информацию от адресата» [Чумак, 2005, 49]. Говорящий в данном случае не соблюдает следующие требования: «незнание ответа на вопрос говорящим, адресатом или неочевидность того, что адресат сам, не будучи спрошен, сообщит нужную информацию» [Чумак, 2005, 50].

Говорящий, задавая вопрос, делает вид, что ему необходима запрашиваемая информация, хотя не имеет такой потребности и знает, что «адекватный серьезный ответ на иронический вопрос невозможен» [Там же]. Автор приводит пример употребления иронического квеситива, скрытый смысл которого понимает адресат и считает его неуместным, а потому готов демонстративно отказаться отвечать:

«Jim:... Amn't I right, Chris? Chris /caustically/: Were you ever anything but right Jim? Jim: You're quare and sharp this morning, and all.

Ср.: Джим. Я ошибаюсь? Крис /язвительно/ *Ты когда-нибудь ошибался, Джим?* Джим. Ты такой сегодня весь остроумный» [Там же].

Автор считает, что реакцией адресата на иронический квеситив может быть похвала остроумию говорящего, и подтверждает свое утверждение примером:

«Duchess of Berwick:... it is a very young country, isn't it? Hopper: Wasn't it made at the same time as the others, Duchess? Duchess of Berwick: How clever you are, Mr Hopper.

Ср.: Герцогиня Бервик. Но ведь это, кажется, очень молодая страна? Хопер. Разве она была сотворена не одновременно с остальными, герцогиня? Герцогиня Бервик. Какой вы остроумный, мистер Хопер» [Там же]. Автор отмечает, что «такая похвала вряд ли может быть искренней» и «не может рассматриваться как ответ на данный иронический вопрос, поскольку является универсальным "ответом" на любой иронический вопрос» [Там же].

Действительно искренним «ответом» на иронический квеситив является ответ адресата, не распознавшего иронию:

Spooner: You must come and see my collection, any time you wish. Briggs: What of, beer mugs? Spooner: No, no. Paintings.

Ср.: Спунер: Да, приходите в любое время, посмотрите мою коллекцию. Бриггс: Чего, пивных кружек? Спунер: Нет, нет. Картин» [Там же].

Ответ Спунера формально действительно является ответом, но содержательно, как считает автор, нет.

5. Иронические экспрессивы. Высказывания, преследующие экспрессивную цель, передают «ту или иную психологическую установку относительно положения дел, репрезентированного пропозициональным содержанием» [Чумак, 2005, 59]. Группу иронических экспрессивов автор определяет как «такие акты выражения чувств или установок, в которых говорящий намеренно нарушает условие искренности» [Чумак, 2005, 60], и выделяет ИРА благодарности, извинения, поздравления и приветствия.

«Arthur: Nevertheless you may feel free to make suggestions, Mr. Armitage. I shall decide whether they be stupid or not. Alan: Thank you, Arthur.

Ср.: Артур. Как бы то ни было, вы вольны делать предложения, мистер Армитэйдж. Я буду решать, глупы они или нет. Алан. Спасибо, Артур.

Обещание Артура явно не должно вызывать чувство благодарности у Алана. Поэтому его благодарность иронична» [Чумак, 2005, 61].

6. Иронические декларативы, которые «осуществляются в результате нарушения говорящим условия искренности, предполагающего то, что говорящий действительно хочет каузировать новое состояние дел и верит в существование такой возможности. Нарушение условия искренности сопровождается несоблюдением ироническим говорящим требований предварительного условия декларатива, предполагающего как правомочность говорящего каузировать состояние дел, представленное пропозициональным содержанием, так и наличие у автора декларатива достаточных оснований желать его осуществления» [Чумак, 2005, 71]:

«Paul:... How is her English this morning? Rose: I don't know, sir, but my French is improving by leaps and bounds. Paul: Then consider yourself dismissed. Rose: You don't really mean that, do you, sir?

Ср.: Пол. Как её английский сегодня утром? Роза. Я не знаю, сэр, но мой французский улучшается очень быстро. Пол. Тогда считайте, что вы уволены. Роза. Надеюсь, вы не это имели в виду» [Чумак, 2005, 72].

Как утверждает автор, Пол, «увольняя» Розу за проступок, который на самом деле не заслуживает такого наказания, нарушает предварительное условие декларатива, предполагающее у говорящего наличие достаточных оснований желать его осуществления, а также условие искренности.

М.А. Слепцова [Слепцова 2008], опираясь на классификацию, разработанную Дж. Сёрлем, выделяет ассертивы, вопросы, директивы, комиссивы, экспрессивы и декларативы по характеру их формального выражения и в зависимости от наличия или отсутствия подвидов («например, класс Ассертивов включает в себя такие подклассы, как сообщение, констатацию, жалобу, одобрение, похвалу, обвинение и т.д.» [Слепцова, 2008, 122]) выделяет также однородные и неоднородные ИРА.

Под однородным автор понимает такой ИРА, иллокуция которого «должна относиться к тому же классу, что и форма высказывания» [Там же]. Следовательно, «неоднородный речевой акт иронии формально может относиться к одному классу, а по коммуникативной направленности его можно отнести к другому классу речевых актов» [Слепцова, 2008, 122-123].

Рассмотрим пример однородного ИРА, который приводит автор:

«Говорящий дает негативную оценку жителям провинции: события разворачиваются в маленьком городе Пуатье, жители которого, безусловно, могут гордиться его богатой историей. Антуан, Шарлотта и Августа живут в одном особняке в Пуатье. Антуан презирает провинцию, он стремится в Париж, однако его удерживает безденежье. От этого его презрение к Пуатье и его жителям только усиливается:

Charlotte: *Ah vous voilà, Vinclair. Vous avez mis le temps.*

Vinclait: *Excusez-moi, Charlotte, J'ai dû faire tout le de la ville.*

Antoine: *Mais qu'ont-ils tous à parler de Poitiers comme si c'était Los Angeles?*

Augusta, piquee: *Qu'a donc Los Angeles de plus que Poitiers?*

Antoine: *Cent kilomètres de long*» [Слепцова, 2008, 124-125].

Автор дает подробное объяснение примера с важными замечаниями касательно пресуппозиций и коммуникативной ситуации: «Антуана раздражает выражение «обойти весь город», поскольку он считает Пуатье маленьким городишкой, захолустьем. Августе неприятно такое пренебрежение к ее родному городу. На ее вопрос, по существу наивный, что же такого есть в Лос Анджелесе, чего нет в Пуатье, Антуан едко замечает, что всего-то «сто километров длины». Однако иллокуцией его высказывания является утверждение: «В Пуатье нет ничего, в Лос Анджелесе есть все». <...> Его высказывание — это ирония над жителями Пуатье и над жителями всех провинциальных городов, которые не хотят видеть разницу между большими и маленькими городами. Здесь иллокуция — это негативная оценка провинциальной гордыни. ИВ [ироническое высказывание] представляет собой РА Ассертив — утверждение по форме и констатацию с присутствующим эмоциональным компонентом (раздражение) по иллокутивной силе... следовательно, перед нами — однородный РА» [Слепцова, 2008, 125].

Автор также приводит пример несовпадения формально выраженного и содержательного планов РА, т.е. неоднородного ИРА:

«Marie: Dis-moi, Valentine. *A part le fait que ton mari t'a chassée, que tu as perdu un million au baccara et que ton fleuriste élève des tulipes bleues, il ne t'est rien arrivé depuis deux ans?*» [Слепцова, 2008, 133].

Автор описывает параметры коммуникативной ситуации следующим образом: «После двухлетней разлуки кузины встретились. Валентина рассказывает про своего флориста, что, по мнению Мари, не имеет никакого значения, а также о том, что ее муж привел в дом свою любовницу и выгнал Валентину (попросил ее совершить путешествие), и что она проиграла чек на миллион, который ей выписал ее муж. Эти события произошли незадолго перед их встречей, и в них нет ничего особенного для Мари: Валентина со своим мужем так живет всю жизнь. Мари упрекает кузину в том, что та ничего не рассказывает о своей настоящей жизни. Иллокуция — упрек,

ассертив. <...> Валентина не может не отреагировать, так как упрек построен в форме вопроса» [Там же]. Данный ИРА автор понимает как неоднородный вследствие расхождения формально выраженного и содержательного классов (вопрос и ассертив соответственно).

1.4.4. Ирония в поликодовой коммуникации

В связи с распространением компьютерных технологий и активизацией Интернет-среды как коммуникативного пространства формируется особый вид общения — поликодовая коммуникация, представленная поликодовыми (креолизованными) текстами, в которых «сообщение закодировано семиотически разнородными средствами — вербальными (языковые единицы разных уровней, тексты) и невербальными компонентами (мимика, жесты, рисунки, фотографии, схемы, эмблемы, иконки, смайлики, шрифтовое и плоскостное варьирование текста, цвет и т.п.), объединение которых представляет собой определенную структуру, характеризующуюся проявлением взаимозависимости этих составляющих как в содержательном, так и в формальном аспектах... Такой текст является необходимым компонентом жизни современного общества и каждого человека в отдельности и может интерпретироваться как способ коммуникации» [Нестерова, 2019, 214].

В поликодовой коммуникации вербально выраженная ирония может дополняться невербальными элементами:

[Нестерова, Мартышко, 2019, 91]

Высказывание «Привет, русский язык!» в сочетании с фотографией становится ироническим: «Комментарий автора... содержит иронию и упрёк (эмоциональный ряд — удивление, недоумение, недовольство, возмущение) в адрес составителей скрипта для телепрограммы, допустивших орфографические ошибки («Здравствуй» и «19-ть»). Ситуация усугубляется тем, что новостной выпуск посвящён празднованию Дня знаний, которые, по-видимому, отсутствуют (по крайней мере, в области русского языка) у тех, кто является ответственным за телепередачу» [Там же].

Иронические поликодовые тексты широко представлены сегодня в социальных сетях, чатах, блогах и др., одним из самых популярных способов передачи иронических смыслов также являются интернет-мемы — «изображения, видео-, аудио-, вербальные или креолизованные тексты, которые добровольно распространяются пользователями посредством копирования (т.е. размещения одного и того же мема на множестве Интернет-ресурсов и нахождения по многим ссылкам и запросам) или имитации и набирают популярность при помощи сети Интернет (как отдельные сообщения, элементы переписки, комментарии к высказыванию) чаще всего с целью создания комического эффекта» [Гуторенко, 2019, 22]. Как отмечает Т.И. Каличкина, мемы «часто носят остроиронический характер» [Каличкина, 2020, 195]. Исследуя поликодовую иронию в политическом дискурсе, автор выделяет следующие её функции: выражение мнения, выражение протеста и осмеяние (острота, издевка).

1. Вследствие анонимности мемы часто используются для выражения мнения: «люди позволяют себе писать то, что они думают на самом деле, не прикрываясь этикой и не боясь осуждения» [Там же]. Примером реализации данной функции в работе Т.И. Каличкиной служит мем 2018 г., относящийся к выборам Президента РФ:

[Каличкина, 2020, 196]

Автор мема «выражает ироническое отношение к кандидатам в президенты, одновременно использовав в одной короткой фразе несколько стилистических фигур»: «риторический вопрос и риторическое обращение... Мейозис, усиливающий умаление достоинств кандидатов, он проявлен как в нарочито неприглядных фотографиях, так и в сопроводительной подписи», а также стилистический прием «ответствования», заключающийся в том, что «задаваемый вопрос как бы произносится от лица аудитории, в данном случае народа, и предполагает ответ от лица говорящего здесь — Центральной избирательной комиссии РФ» [Каличкина, 2020, 196]. Поликодовая ирония здесь реализуется «с помощью взаимосвязи изображения и нескольких стилистических фигур» [Там же].

2. Функция выражения протеста с помощью поликодовой иронии набирает все большую популярность, как утверждает Т.И. Каличкина, в связи с «осложнением оформления согласованных митингов, с организационными вопросами» [Каличкина, 2020, 197], т.е. вследствие обострения общественно-политической ситуации. Человек, несогласный с теми или иными политическими группами, их решениями, может выразить недовольство анонимно в Интернет-среде, используя иронические мемы:

[Каличкина, 2020, 198]

На данном рисунке мы видим фотографию прямого эфира телеканала «Россия 24», ведущая представляет зрителям таблицу с процентным соотношением голосов, отданных гражданами в ходе выборов в Государственную Думу. В меме используются «риторическое обращение и апострофа, адресованные к тому, кто в данный момент находится по ту сторону экрана, на что указывает личное местоимение «ты». Автор использует риторический вопрос для привлечения внимания пользователей Интернета... В меме выступает сообщение, т.е. фигура, предполагающая вопрос, обращенный к аудитории, и ответ от лица аудитории; человек мысленно скажет, что он либо не голосовал, либо проголосовал один раз» [Каличкина, 2020, 197].

3. Функцию осмеяния выполняет поликодовая ирония, избирая своим объектом «события, персоны... одиозные фразы политических деятелей, их поведение, внешний вид» [Каличкина, 2020, 197]:

[Каличкина, 2020, 200]

Для понимания приводимого автором мема необходимо владеть определенными пресуппозициями, т.к. поликодовый текст содержит в себе отсылку к прецедентному событию, произошедшему «во время открытия Олимпийских игр — 2014 в Сочи. Тогда журналисты опубликовали фотографию, на которой создается впечатление, что Премьер-министр Правительства РФ Д.А. Медведев уснул (официальное подтверждение отсутствует)» [Каличкина, 2020, 199].

Вербальная составляющая поликодового текста отчасти заимствована из другого мема:

[Каличкина, 2020, 199]

На рисунке представлен кадр из фильма «Властелин колец» (реж. П. Джексон, 2001). Персонаж Шона Бина Боромир, присутствуя на собрании, где решается судьба магического кольца (его намереваются уничтожить, но сделать это можно там, где кольцо выковали), объясняет собеседникам, что нельзя просто взять и войти в Мордор (говоря кратко, страна врагов, в которой было сделано кольцо). Этот мем обычно начинается со слов Боромира («Нельзя так просто взять и...»), а заканчивается авторскими добавлениями («...и сделать что-то/не сделать что-то»). Значение добавлений зависит от контекста, в котором используется мем, например, с помощью данного мема могут иронически обыгрывать ситуацию, в которой человек намеренно или случайно поступает неправильно, глупо, вместо того чтобы поступить правильно, подойти к делу со всей ответственностью («Нельзя так просто взять и не уснуть на важном мероприятии»).

Выше приведены функции иронии, характерные для политического дискурса, однако стоит отметить, что поликодовая ирония имеет место и в других видах дискурса, активно используется в повседневной коммуникации, служит для реализации интенций неодобрения, несогласия, упрека. Для создания иронического поликодового текста используются не только мемы, но и другие специфические внеязыковые элементы, сопровождающие вербальную часть:

1. смайлы — «графические изображения... лица человека с использованием таких знаков препинания, как двоеточие, тире и круглая скобка» [Карант, 2020, 20], например, «:»», «:(» и др.

2. эмодзи — «обширная группа различных эмоциональных изображений», с помощью которой говорящий «может уточнить свои ощущения относительно предмета разговора и проиллюстрировать их той или иной картинкой» [Там же], например, «☺», «☹» и др.

3. эмодзи — «более прорисованные и детализированные картинки с эмоциями или другими элементами», которые «включают в себя не только изображения с эмоциями и чувствами людей, но и символы с жестами, животными, ситуативными явлениями» [Там же], например, «🐱», «👋», «🙏», «👉», «😁», «👩♀️», «❤️», «🗣️», «☀️», «🌸» и мн. др.

4. стикеры «(англ. stickers — «наклейки») — изображения, предназначенные для отправки в чат» [Нестерова, Серовская, 2019, 94]. Стикеры отличаются от описанных выше знаков тем, что являются «уже полноценно прорисованными, а иногда и анимированными изображениями» [Карант, 2020, 20], например, стикеры из набора «Имбирчик» (авт. К. Фролова), представленного во «ВКонтакте» [Социальная сеть «ВКонтакте». [Электронный ресурс]. — URL: <http://vk.com/>]:

Представленные изображения могут использоваться в разных контекстах и реализовывать различные интенции, в том числе и характерные для ИРА упрек, несогласие, неодобрение. В случаях, когда коммуникативная ситуация не предполагает включения смайлов, выражающих положительные эмоции, употребление их в переписке может приводить к созданию поликодовой иронии. Примеры подобных ситуаций мы приводим далее (см. 2.2.8. Иронические речевые акты в поликодовой коммуникации).

Выводы по первой главе

В результате изучения теоретического материала были получены данные, анализ которых позволил заключить, что интерес к иронии возник еще во времена Сократа, и сегодня существуют разные подходы к изучению данного явления в разных аспектах во многих областях научного знания, в том числе и в лингвистике. Современным лингвистическим подходом является прагматический, согласно которому ИРА представляет собой сложный КСКРА, «иллокутивная сила которого порождается в результате взаимодействия иллокутивной силы простого РА с ироническим намерением говорящего» [Чумак, 2005, 78], содержащий отрицательную оценку, «агрессивный потенциал, выраженный в скрытой форме агрессии или злой шутки» [Паремюзашвили, 2012, 139], обусловленный пресуппозициями и параметрами коммуникативной ситуации, в которой он возникает.

Мы выяснили, что ирония представляет собой одну из форм комического и стоит в одном ряду с такими понятиями, как юмор, насмешка и сарказм.

В различных сферах науки по-разному определяют иронию, но путем анализа лексикографических источников можно выявить основные черты

данного явления (это отрицательная оценка, выражаемая непрямо, посредством употребления слов в смысле, обратном буквальному).

Ирония может выражаться с помощью лексических и синтаксических средств и приемов: различными семантическими типами слов (оценочными, количественными, модальными словами, а также словами с номинативным значением), именами существительными, именами прилагательными, наречиями, частицами, глаголами или словосочетаниями с опорным словом, выраженным глаголом на уровне лексики, а также повторами, восклицательными и вопросительными предложениями на уровне синтаксиса. Свою роль в формировании иронического высказывания играет ироническая тональность.

В свете теории речевых актов иронию можно рассматривать как контекстуально-ситуативный косвенный речевой акт, заключающийся в намеренном выражении говорящим неискренности по отношению к порождаемому им высказыванию. ИРА могут употребляться и транспонировано, например, перенимая признаки шуточных РА, тем самым становясь частично истинными («искренними») и менее агрессивными.

Ирония активно используется в поликодовой коммуникации. Мы наблюдаем широкое распространение в Интернет-среде (в социальных сетях, чатах, блогах, видеохостингах и др.) поликодовой иронии, в состав которой входят как вербальные, так и невербальные (мемы, стикеры, фото-, аудио-, видеоматериалы и др.) компоненты.

В рамках данного исследования мы классифицируем ИРА следующим образом:

1. По характеру формально выражаемых интенций ИРА можно разделить на ассертивы, комиссивы, директивы, квеситивы, экспрессивы и декларативы;

2. По наличию или отсутствию расхождения эксплицитно и имплицитно выраженных интенций можно выделить однородные (высказывание, иллюкуция которого «относится к тому же классу, что и

форма высказывания» [Слепцова, 2008, 122]) и неоднородные (высказывание, которое «формально может относиться к одному классу, а по коммуникативной направленности его можно отнести к другому классу речевых актов»[Там же]) ИРА.

Глава II. ИРОНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ КОММУНИКАЦИИ (РУССКОЯЗЫЧНОЕ ОБЩЕНИЕ)

2.1. Повседневная коммуникация

Речевую коммуникацию (речевое общение) Н.И. Формановская понимает как «социально-коммуникативное взаимодействие (по крайней мере, двоих) по обмену информативным и фатическим содержанием в соответствии со статусом, ролевыми и личными отношениями коммуникантов для воздействия друг на друга, регулирования речевого поведения с целью достижения внекоммуникативного и коммуникативного результата» [Формановская 2007, 20].

Речевое общение может осуществляться в разных формах: «контактное — дистантное (по положению собеседников относительно друг друга)»; «непосредственное — опосредованное (по наличию/отсутствию какого-либо опосредующего аппарата)»; «устное — письменное»; «диалогическое — монологическое»; «межличностное — публичное — массовое (с точки зрения количества участников коммуникации)»; «частное — официальное (с точки зрения взаимоотношений общающихся)»; «свободное — стереотипное (с точки зрения соблюдения/несоблюдения канона, строгих правил построения речи, употребления готовых форм)»; «кооперативное — конфликтное (соблюдение или нарушение принципа кооперации, прагматических постулатов общения)»; «речевое общение — текстовое общение» (для речевого «характерны контактность, непосредственность, устность, диалогичность», а для текстового — «дистантность, опосредованность, письменность, отчасти монологичность»); «информативное — фатическое» (первый вид передает факты, второй — «устанавливает и поддерживает с адресатом речевые и социальные отношения») [Нестерова, 2015, 26-29].

Ситуацию, в которой возникает речевое общение, характеризует ряд параметров: статус, социальные, коммуникативные и психологические роли, пол, гендер, возраст, степень образованности, профессиональная

принадлежность коммуникантов, место и время коммуникации и т.д. [Нестерова 2015].

Речевое общение возникает в разных сферах (общественно-политической, образовательной, деловой, религиозной, повседневной и т.д.), средах (молодежной, интернет-среде, рабочей и т.д.).

Нас в первую очередь будет интересовать диалогическая, межличностная, частная, речевая деятельность, возникающая в повседневной коммуникации, которую вслед за Н.И. Формановской мы делим на обиходно-бытовую и обиходно-деловую.

Обиходно-бытовую коммуникацию называют также бытовой [Карасик 2002; Кашкин 2013], обыденной [Байкулова 2006].

В.И. Карасик [Карасик 2002] выделяет бытовой дискурс и определяет его как «лично-ориентированный дискурс», в котором «общение носит свернутый, «пунктирный», характер» и в котором «речь идет об очевидных вещах, используется разговорная форма речи»; «бытовой дискурс диалогичен и является генетически исходным типом общения» [Карасик 2002, 240].

В.Б. Кашкин [Кашкин 2013] об обиходной коммуникации пишет: «Достаточно традиционной считается *сфера бытовой коммуникации* (преимущественно межличностной). Для нее характерны такие жанры как любовная записка, личное письмо, здесь обычны разговорная форма речи, близкая проксемика, свободные жесты и т.п.» [Кашкин, 2013, 57].

А.Н. Байкулова [Байкулова 2006] выдвигает «гипотезу о существовании таких разновидностей обыденного общения, как семейное общение, общение родственников и дружеское общение» [Байкулова, 2006,12], понимая обыденное общение как «часть общественно-языковой практики социума, в которой решаются коммуникативные и жизненные задачи его членов как частных лиц; в обыденное общение включены все члены сообщества, оно не требует специальной подготовки, а усваивается традиционно» [Там же].

Н.И. Формановская подчеркивает, что «распространенный в бытовой жизни людей...стиль [обиходный] «работает» и в других сферах – в неофициальных деловых разговорах; захватывает часть телевизионных дискурсов» [Формановская, 2014, 56], что позволяет выделить обиходно-деловую коммуникацию, которая также является диалогической частной речевой деятельностью, но выходит за пределы семейного и дружеского общения.

Коммуниканты, вступающие в обиходно-деловую коммуникацию, могут быть как знакомыми (например, коллегами), так и не знакомыми друг с другом (например, случайно встретившимися прохожими или интернет-пользователями и т.п.). Незнакомые люди вступают в коммуникацию, как правило, при наличии каких-либо объективных причин начать разговор. Такое общение является «стереотипным», «тематически называемым уличным, транспортным, магазинным и т.п.» [Формановская, 2014, 58]. Чем лучше коммуниканты знают друг друга, чем более доверительны их отношения, тем более широко в тематическом плане их общение — «от застолья до обсуждения услышанного научного доклада» [Там же].

2.2. Иронические речевые акты в повседневной коммуникации

В данной главе мы будем рассматривать иронические высказывания в повседневной общении (КСКРА), возникающие в межличностных, неофициальных диалогах.

Как уже было отмечено выше, подобные ИРА по характеру формально выражаемых интенций мы делим на ассертивы, комиссивы, директивы, квеситивы, экспрессивы и декларативы; по наличию или отсутствию расхождения прямо и косвенно выраженных интенций — на однородные и неоднородные.

Ниже мы приводим примеры из российских телесериалов «Восьмидесятые» (реж. Ф. Стуков, Ю. Лёвкина, 2012-2016) и «Родители» (реж. А. Жигалкин, 2015-2020).

2.2.1. Иронические ассертивы

Иронические ассертивы, которые «осуществляются в результате нарушения говорящим условия искренности, предусматривающего убежденность говорящего в соответствии его утверждения действительному положению дел» [Чумак, 2005, 17] содержатся в следующих примерах:

№ 1 (пример из телесериала «Родители»)

Коммуникант 1: Саша («С.»), муж Маши, архитектор.

Коммуникант 2: Маша («М.»), жена Саши, менеджер по отбору персонала.

Пресуппозиции: Саша убежден, что только он хорошо водит машину, а все остальные люди — нет. Саша часто ругается за рулем. Маша недавно начала заниматься йогой и уговаривает Сашу к ней присоединиться.

Коммуникативная ситуация: Саша и Маша едут на работу, Саша ругается за рулем, Маша сидит невозмутимая, пытается успокоить мужа.

М.: Саш, поверь, тебе надо расслабиться.

С.: Расслабиться! А я расслаблюсь, и какой-нибудь из этих долбанет мою машину обязательно!

М.: Нет, ты просто не можешь расслабиться. Если бы ты ходил со мной на йогу, ты бы мог себя контролировать.

С.: Маш, только не начинай, я тебя очень прошу!

М.: А что «не начинай»? Я не начинаю. Между прочим, я о тебе забочусь, а ты — «не начинай»! Я, самое главное, для него стараюсь, а он мне рот затыкает! Я тебе что, чужой человек?! Я тебе что, зла желаю?!

С., успокоившись, полушепотом: Да-а, Маш, после йоги ты очень хорошо себя контролируешь. (Интенции говорящего: иронический упрек в форме похвалы.)

Средствами выражения иронии в данном примере выступают наречное словосочетание с эксплицитной положительной оценкой «очень хорошо», а также понижение тона голоса и долгое «да-а».

Саша прямо одобряет жену, хвалит её способность контролировать себя, хотя предшествующее его РА поведение Маши он воспринимает как неумение совладать со своими негативными эмоциями. Эксплицитная похвала со стороны Саши на самом деле является ироническим неодобрением. Говорящий нарушает условие искренности, которое диктует необходимость убежденности адресанта в объявляемом положении дел.

В данном ИРА на эксплицитном и имплицитном уровнях выражаются противоположные друг другу похвала (или одобрение) и упрек (или неодобрение) соответственно, которые относятся к одному и тому же классу РА ассертивам, а потому такой ИРА можно назвать однородным.

№ 2 (пример из сериала «Восьмидесятые»)

Коммуникант 1: Геннадий Смирнов («Г.»), безработный, бывший муж Людмилы Смирновой, брат Николая Смирнова.

Коммуникант 2: Тамара Смирнова («Т.»), работница булочно-кондитерского комбината, жена Николая Смирнова (брата Геннадия), беременна.

Пресуппозиции: Геннадий после развода с женой переехал жить к своему брату. Сейчас Геннадий не работает, поэтому почти все время сидит дома. Тамара беременна, поэтому так же почти всегда находится дома. Геннадий не помогает по хозяйству родственникам, на что Тамара жалуется своему мужу, а иногда и самому Геннадию. Он часто делает вид, будто устал, нездоров или сильно переживает из-за разрыва с женой, чтобы ничего не делать. Недавно Геннадий спорил с бывшей женой о том, что он хороший отец; они решили проверить, так ли это, поэтому Геннадий на день забрал младшего сына, отвел его в школу, пришел уставший (по его мнению) и начал жаловаться Тамаре на то, как тяжело быть родителем.

Коммуникативная ситуация: гостиная в квартире Николая и Тамары Смирновых, Тамара моет пол, Геннадий сидит на диване.

Г., сидя на диване, закинув руки за голову, смотря в потолок: Да-а, настоящим отцом быть не просто! Это у вас, у женщин, все на

инстинктах, а тут же... (Поднимает ноги на диван, чтобы не мешать Тамаре мыть полы.) Тут же трудиться нужно!

Т., нагнувшись к полу, с тряпкой в руках, посмотрев возмущенно на Геннадия, произносит сердито: Я и вижу: ты прям уработался!
(Интенции говорящего: иронический упрек в форме возражения.)

Лексическими средствами выражения иронии в данном примере являются слова «прям» («в знач. частицы. Прост. Употребляется при возражении в значении: как же! вот еще!» [Словарь русского языка, 1987, 551]) и «уработался» («УРАБО́ТАТЬСЯ, -аюсь, -аешься; *сов. Прост.* Устать, измучиться от чрезмерной работы» [Словарь русского языка, 1988, 510]).

Помимо того, декодирование иронии становится возможным благодаря невербальной составляющей, а именно окулесике (Тамара возмущена, что видно по выражению ее глаз) и тону голоса.

Тамара знает, что Геннадий довольно ленивый и что отец он далеко не идеальный; также она считает, что довести ребенка до школы не так тяжело, как об этом говорит ее собеседник, и подозревает, что он снова изображает усталость, лишь бы не помогать беременной женщине по дому.

В приведенном примере ИРА формально является возражением и содержит в себе упрек. Обе интенции относятся классу ассертивных РА, поэтому данный ИРА однородный.

2.2.2. Иронические комиссивы

В иронических комиссивах прямо выражается обещание, которое говорящий способен выполнить в действительности, но которое на самом деле не выполнит по тем или иным причинам. Говорящий нарушает необходимое для реализации комиссивов в речи условие искренности, когда заявляет о намерении совершить то или иное действие, которое само собой не произойдет, и не совершает его.

Иронические комиссивы представлены в следующих примерах:

№ 3 (пример из сериала «Родители»)

Коммуникант 1: Саша («С.»), муж Маши, отец Ильи.

Коммуникант 2: Маша («М.»), жена Саши, мама Ильи.

Коммуникант 3: Илья («И.»), сын Саши и Маши, старшеклассник.

Пресуппозиции: Саша собрался с друзьями на охоту. Маша осуждает охоту, а также считает, что Саша плох в этом, поэтому такое хобби мужа, по её мнению, лишь пустая трата времени и средств. Саша купил специальный маскировочный костюм для охоты и попросил Машу проверить, будет ли его видно среди деревьев.

Коммуникативная ситуация: палисадник на участке Маши и Саши, Саша в маскировочном костюме стоит среди деревьев, Маша стоит возле крыльца, повернувшись к Саше спиной.

С.: Я хочу понять, видно меня в этой маскировке или нет?

М., поворачиваясь к С.: Сейчас видно.

С.: Подожди, давай так: ты досчитаешь до пяти, я спрячусь, а ты попробуй меня найти, если сможешь, конечно.

М.: Саш, я сейчас не в настроении играть в прятки.

С.: До пяти! (Маша отворачивается, считает, Саша прячется, приходит Илья.)

И.: Привет, мам! (Смотрит на деревья.) Привет, пап! (Заходит в дом.)

М., поворачиваясь к деревьям: Саш, тебя до сих пор видно!

С.: Да?

М., отворачиваясь от С., рассерженно: Пойду на кухню, досчитаю до ста! (Уходит.) (Интенции говорящего: ироническое неодобрение в форме обещания.)

С.: Не, ну Маш! Ма-аш!..

В выделенном ироническом комиссиве средствами выражения являются глаголы в будущем времени и восклицательность. Раздраженный тон и поворот спиной к объекту иронии выступают невербальными маркерами. Маша нарушает условие искренности. Говорящий обещает выполнить действия, которые сами собой не произойдут, однако она не будет

их выполнять или выполнит частично: возможно, пойдет на кухню после этого разговора, но не станет считать до ста, потому что считает это ненужным. Маша раздражена, потому что Саша тратит деньги семьи на бесполезные и неоправданно дорогие (по мнению супруги) увлечения, а также отнимает ее время.

В данном ИРА на эксплицитном и имплицитном уровнях выражаются обещание и неодобрение соответственно, которые относятся к разным классам РА, а потому такой ИРА можно назвать неоднородным.

№ 4 (пример из сериала «Восьмидесятые»)

Коммуникант 1: Татьяна Пшеницына («Т.»), начинающая певица, в отношениях с Иваном Смирновым.

Коммуникант 2: Иван Смирнов («В.»), студент 3 курса, в отношениях с Татьяной Пшеницыной.

Пресуппозиции: У Татьяны нет жилья и работы в городе, поэтому какое-то время она жила вместе с семьей Ивана. Когда Татьяну попросили уйти, Иван ушел вместе с ней несмотря на запрет родителей. Они отправились за город на дачу родственников Ивана. Татьяна понимает, что долго они так жить не смогут.

Коммуникативная ситуация: дача, кухня, Иван и Татьяна готовят завтрак.

В.: Все хорошо?

Т.: Да, жалко только, что это когда-то закончится!

В.: Почему закончится? На зиму обобьем стены целлофаном, чтобы не сквозило, устроимся в колхоз.

Т.: Кем?

В.: Ты — дояркой, я — бухгалтером.

Т.: Да-а, я тебе черные нарукавники сошью, поросенка заведем, ковер купим, в очередь на холодильник встанем... (Интенции говорящего: ироническое несогласие в форме комиссива.) Вань, пора обратно!

В приведенном ироническом комиссиве субъект иронии обещает выполнить ряд действий, однако не станет этого делать.

Татьяна понимает, что надолго они на даче не останутся, потому что дом на участке не предназначен для проживания там зимой. Рано или поздно к ним приедут родственники Ивана и попросят их с Татьяной уехать. Помимо того, самой Татьяне хочется жить в большом городе, поэтому долго пребывать в сельской местности она не сможет. Она обещает сшить нарукавники, завести поросенка, купить ковер и встать в очередь на холодильник, но делать ни она, ни Иван этого не будут: так Татьяна отказывается другу.

Этот иронический комиссив неоднородный, потому что на эксплицитном уровне выражены комиссивные интенции, а на имплицитном — ассертивные.

2.2.3. Иронические директивы

Иронические директивы реализуются посредством неискренности говорящего в ходе побуждения адресата к реально выполнимому действию. Адресант прямо пытается заставить собеседника сделать что-то, но на самом деле ожидает, что адресат либо совершит обратное действие, либо будет бездействовать. При произнесении иронической директива говорящий не соблюдает требования возможности и необходимости совершения действия и убежденности в том, что действие не выполнится само собой.

Ниже представлены примеры использования иронических директивов в повседневной коммуникации:

№ 5 (пример из сериала «Восьмидесятые»)

Коммуникант 1: Иван Смирнов («И.»), студент 4 курса экономического факультета Московского технико-экономического института, фотограф, работает администратором в кафе, друг Сергея.

Коммуникант 2: Сергей Яковлев («С.»), студент 4 курса экономического факультета Московского технико-экономического института, муж Марии, друг Ивана, безработный.

Присутствует Борис Левицкий, студент 4 курса Московского технико-экономического института, друг и одноклассник Ивана и Сергея.

Пресуппозиции: недавно Иван уволил Сергея, который работал барменом в кафе, потому что последний разбавлял алкоголь, а вырученные деньги клал себе в карман. Сергей уговаривал его этого не делать, потому что у него семья и ему надо её обеспечивать, но Иван отказал другу из принципа. Сергей обижен на Ивана. Иван жалеет, что так обошелся с другом, но понимает, что это решение было правильным.

Маша попросила Сергея сходить за молоком, но Сергей, в очередной раз проигнорировав просьбу жены, остался дома.

Коммуникативная ситуация: комната Сергея и Марии в общежитии, Сергей и Борис пьют чай, обсуждают поступок Ивана. Заходит Иван.

И.: Машка сказала, ты в магазине за молоком стоишь.

С., не поворачиваясь к Ивану, обиженно: Передай ей, что я на паперти стою. Пускай к ужину не ждет. (Интенции говорящего: иронический упрек в форме просьбы.)

Выделенный РА является ироническим директивом. Говорящий использует повелительное наклонение, чтобы попросить собеседника совершить действие, но на самом деле желает выразить свое негативное отношение к адресату и его предыдущим действиям.

Сергей прямо просит Ивана рассказать Маше о том, чего на самом деле нет, но, по мнению Сергея, может случиться в будущем из-за увольнения — он может оказаться на паперти. Тем не менее, Сергей ещё не попал в такое тяжелое материальное положение, но одной возможности ему достаточно, чтобы обвинять Ивана, друга, на которого он надеялся и который уволил его, зная о семье Сергея. Говорящий намекает, что именно Иван виноват в том, что Сергей остался без работы, и упрекает его в этом.

Данный ИРА неоднороден, потому что просьба и упрек относятся к разным классам РА — директивам и ассертивам соответственно.

№ 6 (пример из сериала «Восьмидесятые»)

Коммуникант 1: Геннадий Смирнов («Г.»), муж Людмилы Смирновой, младший брат Николая Смирнова, безработный.

Коммуникант 2: Николай Смирнов («Н.»), старший брат Геннадия Смирнова, машинист поезда.

Коммуникант 3: Людмила Смирнова («Л.»), жена Геннадия Смирнова, народный депутат.

Присутствует Михаил Смирнов, сын Геннадия и Людмилы, ученик средних классов.

Пресуппозиции: Геннадий выращивает грибы в гараже. Недавно он собрал большой урожай и не знает, куда его деть. Смирновы несколько дней едят грибы. Все, кроме Геннадия, устали от грибных супов, грибных желе и т.п. Геннадий об этом не знает.

В гости к Смирновым пришел старший брат Геннадия Николай. Геннадий достал недавно приготовленное грибное желе и предложил Михаилу попробовать первым. Михаил не выдержал и признался, что все устали есть грибы, которые выращивает его брат. Геннадий обиделся.

Коммуникативная ситуация: кухня в квартире Смирновых, Михаил вяло помешивает грибную похлебку, Николай и Людмила сидят за столом и посмеиваются, рядом стоит злой Геннадий.

Г.: Смеетесь, да?!

Н. смеется: Ген, ну ладно тебе!

Л. жалобно: Ген, ну правда, перебор уже. Ну, ты давай ещё компот свари из этих грибов!.. Че, сварил что ли? (Интенции говорящего: ироническое неодобрение и ироническая просьба в форме предложения.)

Говорящий реализует иронический директив, нарушая условие искренности, просит выполнить действие (императив «давай свари»), которое реально выполнимо и само не произойдет. Адресант не имеет внутренней убежденности в необходимости совершения этого действия. Людмиле надоели грибные блюда, поэтому она хочет добиться от Геннадия

бездействия, т.е. прекращения грибной диеты, хотя прямо просит его продолжить.

Говорящий использует когнитивную стратегию для создания иронии. Коммуниканты обладают знаниями о том, какое положение дел можно считать адекватным, при этом в ироническом высказывании наблюдается семантическое несоответствие реальному положению дел: предложение Людмилы сварить компот из грибов противоречит здравому смыслу, так как всем известно, что такой напиток не делают.

Данный ИРА полиинтенционален: Людмила не разделяет пристрастие мужа к грибам, упрекает его в том, что он готовит только грибные блюда, и просит Геннадия прекратить это. В приведенном высказывании содержится две интенции: неодобрение и просьба на имплицитном уровне и предложение — на эксплицитном. В этом высказывании сочетаются разные классы РА (ассертивы и директивы), потому этот иронический директив неоднороден.

2.2.4. Иронические квеситивы

Иронические квеситивы (ИРА вопроса) — это запрос говорящим ненужной информации у адресата (адресант, задавая вопрос, знает, что адекватного ответа на него не получит). Говорящий нарушает условие искренности, когда задает вопрос, ответ на который ему не нужен, а также не соблюдает требования незнания ответа или неочевидности того, что собеседник сам сообщит информацию, не дожидаясь вопроса.

Рассмотрим употребление иронических квеситивов:

№ 7 (пример из сериала «Восьмидесятые»)

Коммуникант 1: Геннадий Смирнов («Г.»), заводской рабочий, муж Людмилы Смирновой.

Коммуникант 2: Людмила Смирнова («Л.»), диспетчер на автобазе, жена Геннадия Смирнова.

Присутствуют: Михаил Смирнов, школьник, сын Людмилы и Геннадия; Иван Смирнов, студент 2 курса, сын Людмилы и Геннадия, старший брат Михаила; Сергей Яковлев, друг и одногруппник Ивана.

Пресуппозиции: Людмила считает, что Геннадий не способен делать для семьи что-то большее, чем лежать на диване и вставать, чтобы поесть или сходить в бар или на работу. Геннадий сочетает в себе склонность к спонтанным покупкам для себя и излишней экономии на покупках для членов своей семьи. Однажды Геннадий нашел выброшенное женское пальто на улице и решил, что подарит его Людмиле, потому что, как ему показалось, оно почти новое, а сэкономленные деньги потратит на свои нужды. Людмила запомнила этот «подарок» и в очередной раз разочаровалась в супруге. Людмила и Геннадий часто ссорятся из-за необдуманных трат последнего.

Коммуникативная ситуация: квартира Смирновых, на кухне Людмила варит варенье, Михаил, Иван и Сергей пьют чай, с работы возвращается Геннадий, заходит на кухню.

Г.: Ну что, родственнички!.. А что-то я не понял, почему никто не встречает главного добытчика?

Л. надменно: О-о, ты опять почти новое пальто у помойки нашел? (Интенции говорящего: ироническое неодобрение + несогласие («Я не согласна с тем, что ты — главный добытчик»)).

Выделенный ИРА представляет собой иронический квеситив. Маркерами иронии в данном случае являются надменный тон, протяжное «О-о», риторический вопрос, а также цитата выражения, ранее использованного объектом иронии («почти новое пальто»). Говорящему, нарушающему условие искренности при запросе информации, ответ не нужен. Так Людмила иронически реагирует на то, что Геннадий называет себя главным добытчиком, потому что она не согласна с ним, а также ее возмущает факт того, что Геннадий обладает таким самомнением.

Этот ИРА полиинтенционален и неоднороден: прямой вопрос преследует квеситивную цель, а скрытые несогласие и неодобрение— ассертивную.

№ 8 (пример из сериала «Родители»)

Коммуникант 1: Полина («П.»), невестка Саши.

Коммуникант 2: Саша («С.»), свёкор Полины.

Присутствуют Маша (жена Саши), Тимофей (муж Полины, старший сын Саши), Илья (средний сын Саши), Максим (младший сын Саши), Вера (младшая сестра Полины).

Пресуппозиции: Близится Новый год. Семья украшает дом к празднику, пока не поставили только ёлку, потому что не могут выбрать между искусственной и натуральной. Полина, которую беспокоят вопросы экологии, против вырубки деревьев, поэтому настаивает на покупке искусственной ёлки. Сашу не интересуют экологические проблемы, он считает, что Полина помешалась на защите окружающей среды. Саша убежден, что это не его проблемы, и не хочет отказывать себе в удовольствии установить дома живую ёлку. Между родственниками завязался спор.

Коммуникативная ситуация: семья сидит в гостиной, все спорят из-за ёлки.

П.: А я категорически против того, чтобы рубить живую ёлку!

С.: Да никто не будет рубить её, Полечка, мы пойдем и купим!

П.: А там, где мы ее купим, её не срубили, да? (Интенции говорящего: ироническое несогласие в форме вопроса.)

В приведенном примере субъект иронии так же задает риторический вопрос. Полина знает, что Саша предлагает живую ёлку, и не хочет принять его предложение. Она использует иронический квеситив, в котором под вопросом подразумевается несогласие, а потому такой ИРА является неоднородным.

2.2.5. Иронические экспрессивы

Иронические экспрессивы — это РА выражения чувств или психологических установок, в которых под радостью, сожалением, благодарностью, удовлетворением, удовольствием и т.п. подразумеваются противоположные негативные эмоции по отношению к объекту иронии. Говорящий, используя иронический экспрессив, нарушает условие искренности, которое требует действительного наличия у адресанта положительных эмоций по отношению к адресату, его действиям.

№ 9 (пример из сериала «Восьмидесятые»)

Коммуникант 1: Сергей Яковлев («С.»), студент 4 курса экономического факультета Московского технико-экономического института, одноклассник и друг Ивана Смирнова.

Коммуникант 2: Иван Смирнов («В.»), студент 4 курса экономического факультета Московского технико-экономического института, фотограф, подрабатывает барменом в кафе.

Пресуппозиции: Иван по просьбе своего начальника во время работы в кафе регулярно тайно обменивался свертками с иностранной валютой (не зная, что находится в этих свертках) с посыльным от подпольной организации, осуществляющей обмен рублей. Когда Иван узнал, что было в свертках, он решил вывести на чистую воду начальника. Вместе с Сергеем и другими одноклассниками Иван разработал план, согласно которому Сергей должен был находиться в определенном месте в назначенное время. У Сергея с собой была долларовая купюра, которую он выпросил у Ивана в качестве сувенира. В итоге Сергея поймала милиция, и он признался, что это были деньги Ивана. Сергея хотели отчислить, но ректор поручил ему придумать речь в свое оправдание.

Сергей считается ненадежным человеком, склонным ко лжи. Иван часто попадает в неприятности из-за друга, но постоянно жалеет и прощает его.

Иван хотел устроиться на телевидение оператором, куда его приглашали ранее, но после этого случая ему отказали, т.к., по словам Сергея, Иван распространяет запрещенную в СССР иностранную валюту.

Иван обижен, злится на Сергея и в этот раз не собирается его прощать. Он решил поговорить с Сергеем, пришел в общежитие и застал его на кухне за придумыванием оправдательной речи.

Коммуникативная ситуация: кухня общежития, Сергей, вздернув нос, жалобно глядит на кастрюли, символизирующие членов профкома партии, перед которыми ему предстоит выступить вечером, выдумывает на ходу речь. Заходит Иван.

С., обращаясь к расставленным перед ним кастрюлям, не замечая Ивана: Товарищи, мною вероломно использовались!

В.: Лучше сказать «меня использовали».

С.: Ванька, я это... речь Ленина репетирую перед рабочими вагонзавода... ну, с критикой Бродского.

В.: Троцкого.

С.: Троцкого!

В., натянуто улыбаясь: Мне из-за этой речи на телевидение работать не взяли. Спасибо тебе, Серый! (Интенции говорящего: иронический упрек в форме благодарности.)

С., притворяясь, будто не понимает: То есть?

В.: Только идиота из меня не делай!

Выделенный ИРА относится к классу иронических экспрессивов: говорящий благодарит адресата, но не испытывает чувства благодарности на самом деле.

Иван не хочет решать проблемы, которые ему создает друг, пусть и ненамеренно. Он приходит в общежитие, чтобы разобраться в сложившейся ситуации, обсудить все с Сергеем, но последний снова начинает лгать и делать вид, будто он ни в чем не виноват, что злит Ивана. Разумеется, Иван не считает, что друга можно за что-то поблагодарить в сложившейся

ситуации, поэтому использует иронию, чтобы усилить выражаемое негативное отношение.

Этот ИРА неоднороден, потому что благодарность и упрек относятся к экспрессивам и ассертивам соответственно.

№ 10 (пример из сериала «Восьмидесятые»)

Коммуникант 1: Мария Яковлева («М.»), студентка, жена и одногруппница Сергея Яковлева, беременна.

Коммуникант 2: Сергей Яковлев («С.»), студент, муж и одногруппник Марии Яковлевой, безработный.

Пресуппозиции: Мария недавно сообщила Сергею о своей беременности и попросила его найти работу, т.к. стипендии Марии на содержание семьи им не хватит. Сергей, привыкший получать деньги от отца, с которым он недавно поссорился, или путем всяческих махинаций, схем, пирамид и т.п., думает, что деньги снова свалятся ему на голову, и потому сидит дома и ничего не делает. Марии, которую возмущает лень и беззаботность мужа, Сергей говорит, что у него все под контролем, часто врет ей и совершенно не беспокоится об их будущем. Супруги нередко ссорятся из-за этого.

Коммуникативная ситуация: комната Марии и Сергея в общежитии, Мария гладит вещи, Сергей лежит на кровати, закинув руки за голову, смотрит в потолок.

М.: Сереж, может, поговорим?

С., не отводя глаз от потолка: Я занят.

М., вздернув нос и сложив руки на груди: Извини, пожалуйста, что я тебя отвлекаю! (Интенции говорящего: ироническое неодобрение в форме извинения.)

Приведенный ИРА относится к классу иронических экспрессивов. Мария просит прощения у Сергея, но не чувствует своей ответственности за то, что отвлекла его. Более того, она считает позволительным обратиться к

мужу, потому что на самом деле он ничем не занят, и это раздражает Марию еще сильнее: Сергей не только бездействует, но и лжет жене не смущаясь.

В данном ироническом извинении имплицировано неодобрение. Такой ИРА неоднороден, потому что извинение и неодобрение относятся к экспрессивам и ассертивам соответственно.

2.2.6. Иронические декларативы

В иронических декларативах говорящий объявляет новое положение дел, но не верит в существование подобной ситуации, т.е. нарушает условие искренности, предполагающее действительное желание адресанта заявить о новой ситуации и веру в нее. Нарушение условия искренности в подобных ИРА подкрепляется несоблюдением говорящим требований декларатива, а именно правомочностью объявлять новое положение дел и наличием достаточных оснований для возникновения указываемой ситуации.

Рассмотрим на примерах:

№ 11 (пример из сериала «Родители»)

Коммуникант 1: Саша («С.»), муж Маши.

Коммуникант 2: Маша («М.»), жена Саши.

Пресуппозиции: У Саши не всегда получается что-нибудь починить или отремонтировать в доме. Маша подарила Саше набор инструментов. Недавно на кухне сломался кран, Саша решил починить его сам, хотя Маша предлагала вызвать сантехника. Она не была уверена в силах супруга и боялась, что он сделает только хуже и за ремонт придется платить больше. Саша настоял на своем. После его неудачной попытки починить кран ситуация только усугубилась.

Коммуникативная ситуация: Маша в гостиной читает журнал, заходит Саша, весь мокрый, ищет свой телефон, чтобы вызвать сантехника.

С.: Машунь, ты не знаешь, где телефончик?

М., осматривая С.: О, я вижу, кран у нас теперь в порядке!

(Интенции говорящего: ироническое неодобрение в форме утверждения.)

В выделенном РА адресант реализует иронический декларатив, т.е. объявляет положение дел, которое не соотносится с реальностью: кран на самом деле не в порядке, что подтверждает внешний вид адресата. На эксплицитном уровне высказывание содержит декларативную интенцию (утверждение), однако имплицитно здесь негативное отношение к объекту иронии, что характерно для класса ассертивов.

Данный РА является неоднородным ироническим декларативом, формально каузирующим несоответствующую действительности ситуацию, а содержательно преследующим ассертивную цель (выражение неодобрения).

№ 12 (пример из сериала «Восьмидесятые»)

Коммуникант 1: Станислав Тиханович («С.»), студент Московского технико-экономического института, бывший первый секретарь комитета комсомола института, временно живет в общежитии.

Коммуникант 2: Октябрина Степановна («О.С.»), вахтер общежития.

Пресуппозиции: Станислав выпил и решил позвонить отцу, с которым поссорился ранее. Во всем общежитии телефон есть только у вахтера.

Коммуникативная ситуация: кабинет вахтера, Октябрина Степановна пьет чай, заходит Станислав.

С.: Мне надо позвонить!

О.С.: Протрезветь тебе надо, сынок!

С.: Я бывший первый секретарь комитета комсомола!

О.С.: А я ветеран Куликовской битвы! (Интенции говорящего: иронический отказ + иронический упрек в форме утверждения.)

В приведенном полиинтенциональном ИРА говорящий реализует два коммуникативных намерения: отказывает в просьбе и упрекает собеседника за вызывающее поведение. Октябрина Степановна заявляет, что она ветеран Куликовской битвы, хотя оба коммуниканта понимают, что это невозможно. Так она дает понять собеседнику, что его статус её не интересует, а

позвонить нетрезвому Станиславу, в грубой форме требующему телефон, она не даст.

Этот ИРА имеет форму декларатива, но по своим интенциям (упрек, отказ) относится к классу ассертивов, поэтому является неоднородным.

2.2.7. Комбинаторика иронических речевых актов

В нашем практическом материале представлена также комбинаторика рассмотренных выше типов ИРА. Приведем примеры:

№ 13 (пример из сериала «Родители»)

Коммуникант 1: Маша («М.», жена Саши.

Коммуникант 2: Саша («С.»), муж Маши.

Пресуппозиции: Маша не очень хорошо водит машину и часто получает штрафы. Иногда и Саша получает штрафы, что очень расстраивает Машу. Саша всегда неохотно дает Маше машину, потому что знает, что жена снова может попасть в нежелательное для бюджета семьи положение. Недавно Маша брала машину и получила очередной штраф.

Коммуникативная ситуация: гостиная, Саша сидит перед телевизором, заходит Маша.

М.: Саш!

С.: А?

М.: Опять штраф пришел! Мы так на них разоримся!

С.: Машунь, ну подумай, один штраф! Эти ж камеры на каждом шагу висят!

М.: Значит, нужно на троллейбусе ездить!

С.: А ты знаешь, сколько проездной стоит? Тыщи две, не меньше! Подумай, пара штрафов по пятьсот рублей! Мне нервы, Маш, дорожке!

М.: Так, знаешь, если всю жизнь вот так отшучиваться!.. (Смотрит на квитанцию, понимает, что этот штраф выписали ей, складывает квитанцию.) Ну ладно, ничего страшного!

С.: А дай посмотрю, где меня штрафнули! Дай, оп-па! (Забирает квитанцию.) Где ж меня штрафнули-то?.. (Разворачивает сложенную

пополам квитанцию, поднимает глаза на Машу.) Или тебя штрафовали, Маш... Ха-ха-ха! Ну, это ж надо, Машунь, это же рекорд — один раз взять машину и сорвать джекпот на три тыщи рублей!

М.: Саш, может, все-таки это ты?

С.: Ну конечно я, Машуль! (Интенции говорящего: иронические несогласие в форме согласия.) Ну а кто же еще? (Интенции говорящего: иронический упрек в форме вопроса.) Ну, тогда я продам вот эти сережки, которые висят у меня в ушах... (Указывает на напечатанную на квитанции фотографию, где видно машину и Машу за рулем.) И оплачу штрафы на два года вперед! (Интенции говорящего: иронический упрек в форме обещания.)

Данный пример состоит из иронического ассертива, формально выражающего согласие («Ну, конечно, я, Машуль!»), риторического вопроса «Ну а кто же еще?», формально указывающего на очевидность положительного ответа на предположение адресата («Саш, может, все-таки это ты?»), а также иронического комиссива («Ну, тогда я продам вот эти сережки, которые висят у меня в ушах... и оплачу штрафы на два года вперед!»).

Саша прямо дает положительный ответ на вопрос жены и обещает продать «свои» украшения (здесь речь идет о дорогих сережках Маши, продажа которых для нее стала бы наказанием), а за счёт вырученных денег оплатить штрафы, но делать он этого не станет. Целью Саши в данном случае является выражение неодобрения: он снова решился дать машину Маше, и она в очередной раз получила штраф, а затем упрекнула в этом мужа, поэтому Саша недоволен.

В приведенном примере иронический ассертив является однородным, т.к. выражаемые на формальном и содержательном уровнях интенции (согласие и несогласие) относятся к одному классу РА; иронический квеситив неоднороден вследствие расхождения выражаемых (вопрос) и подразумеваемых намерений (упрек) говорящего; иронический комиссив —

это неоднородный ИРА, т.к. имплицированный упрек относится к ассертивам, а эксплицитное обещание — к комиссивам.

№ 14 (пример из сериала «Восьмидесятые»)

Коммуникант 1: Макар Галактионов («М.»), студент, программист, однокурсник Ивана.

Коммуникант 2: Иван Смирнов («В.»), студент, однокурсник Макара, нелегально перевозит дефицитный товар в СССР из западных стран.

Пресуппозиции: Иван давно нелегально ввозит в СССР дефицитный товар по заказу жены его бывшего начальника Галины Князевой. Ему надоело работать подпольно, он хочет вернуться к своему любимому делу — фотографии. Галина, когда Иван пришел увольняться, отказала ему, пригрозив, что сообщит о нем КГБ.

Иван попросил Макара помочь ему. Макар придумал план «побега», но для его выполнения нужен третий человек.

Сергей Яковлев, одноклассник и друг Ивана, считается человеком ненадежным и ленивым, он не раз подставлял Ивана, но часто по незнанию или случайно, поэтому Иван каждый раз его прощал. Макар не доверяет Сергею.

Коммуникативная ситуация: столовая института, Макар обедает, Иван сидит напротив.

М.: Ну, как тебе план?

В.: Да это какая-то авантюра!

М.: Не надо, план гениальный!

В.: Ага! А если что-то пойдет не так? Я могу вообще всё потерять!

М.: Хорошо, есть запасной вариант. Рассказать?

В.: Давай!

М.: Идешь в свою комнату. (Пьет компот.)

В. нетерпеливо: Ну и?!

М.: Всё! Сидишь и молишься, чтобы все само собой рассосалось.

В.: Издеваешься?

М.: Да! В мой план не входило присутствие паникера.

В.: Да сам ты!.. В общем, я согласен.

М.: Отлично! Осталось теперь найти еще одного человека. Есть кто на примете?

В., подумав: Серега!

М.: Ты что, хочешь, чтобы он завалил мой гениальный план?

В.: А что ты имеешь против Сереги?

М.: Подожди, дай подумать. То, что он трепло, ну, это в принципе нормально. (Интенции говорящего: ироническое неодобрение в форме одобрения.) То, что он лентяй, ну, это вообще не важно. (Интенции говорящего: ироническое неодобрение в форме одобрения.)

В.: Зато Серега не подлец!

М.: А ты это когда понял? Когда он тебя подселел или обокрал? (Интенции говорящего: ироническое несогласие в форме вопросов.)

В.: Да, он хочет красиво жить, и иногда его заносит... Но если будет вопрос жизни и смерти, то на Серегу можно положиться.

В данном примере есть уже рассмотренный нами тип иронических ассертивов (первый фрагмент, состоящий из двух комбинированных ИРА, выделен жирным шрифтом). Говорящий, нарушая условие искренности, использует слова с отрицательной оценкой («трепло», «лентяй») для описания одного из объектов иронии и прямо выражает нейтральное к этим признакам отношение («нормально», «не важно»), хотя на самом деле относится к объекту отрицательно. В описанной ситуации Макар избирает объектами иронии сразу двоих: он упрекает не только отсутствующего при разговоре Сергея в ненадежности, но и Ивана в его излишней доверчивости, наивности. В этом случае субъект иронии использует однородные иронические ассертивы.

Во втором выделенном фрагменте говорящий запрашивает ненужную информацию и не ждет ответа. Для Макара очевидны недостатки Сергея и Ивана, он хочет указать собеседнику на его заблуждения, а также объявить

свое несогласие на участие Сергея в запланированном мероприятии. Иван декодирует иронию верно и поэтому отвечает не на прямые вопросы Макара, а на содержащиеся в них осуждение Сергея («Да, он хочет красиво жить, и иногда его заносит») и на несогласие просить его о помощи («Но если будет вопрос жизни и смерти, то на Серегу можно положиться»).

Данные ИРА полиинтенциональны, т.к. Макар выражает неодобрение Ивана и Сергея, а также не соглашается просить последнего о помощи. Говорящий реализует неоднородные иронические квеситивы: в эксплицитно выраженных вопросах имплицитно выражаются неодобрение и несогласие, принадлежащие к классу ассертивов.

№ 15 (пример из сериала «Восьмидесятые»)

Коммуникант 1: Сергей Яковлев («С.»), студент, однокурсник Макара.

Коммуникант 2: Макар Галактионов («М.»), студент, программист, однокурсник Сергея.

Пресуппозиции: Макар недавно расстался с Екатериной, однокурсницей Макара и Сергея, теперь очень переживает из-за этого. Сергей до недавнего времени был женат на Марии, своей однокласснице. Мария подала на развод и согласилась переехать в Израиль с их однокурсником, который давно был в нее тайно влюблен. Сергей решил уехать навсегда в Ленинград, чтобы забыть о неудавшемся браке, начать жизнь заново. Он пришел к Макару, чтобы позвать его с собой.

Коммуникативная ситуация: комната Макара в общежитии, Макар лежит на кровати, отвернувшись лицом к стене, заходит Сергей.

С., закрывая за собой дверь: Ревешь?

М.: Отстань!

С. с укором: Я потом твою подушку лосям отдам, пусть соль лижут. (Интенции говорящего: иронический упрек в форме обещания.)

М., поворачиваясь лицом к С.: Что тебе надо?

С.: Всем плохо! У тебя Катя хотя бы в Израиль не уезжает. Я же не истерю!

М.: Не все такие толстокожие, как ты!

С.: Я к тебе не просто так пришел, у меня есть предложение. Я сваливаю в Ленинград, давай со мной!

М.: Зачем?

С.: Отвлечься, сменить обстановку.

М.: Чем ленинградская подушка принципиально отличается от московской? Поробриками? (Интенции говорящего: ироническое несогласие в форме вопросов.)

В этом примере есть несколько ИРА. Первый из них относится к классу иронических комиссивов: говорящий прямо обещает выполнить действие, которое само собой не произойдет, но не собирается это делать в действительности. Сергей таким образом упрекает Макара в слабости и унынии. Перед нами неоднородный иронический комиссив: формально выраженное обещание содержит в себе ассертивные интенции (упрек).

Заканчивается диалог двумя ироническими вопросами, ответы на которые говорящему не нужны. Макару все равно, какие в Ленинграде подушки и в чем их преимущество перед московскими. Он не видит смысла в переезде, его ничего не интересует вследствие эмоциональной подавленности, поэтому уезжать с Сергеем он никуда не собирается, о чем и говорит собеседнику, используя иронию. Эти ИРА неоднородны, т.к. прямые вопросы преследуют квеситивную цель, а скрытое несогласие — ассертивную.

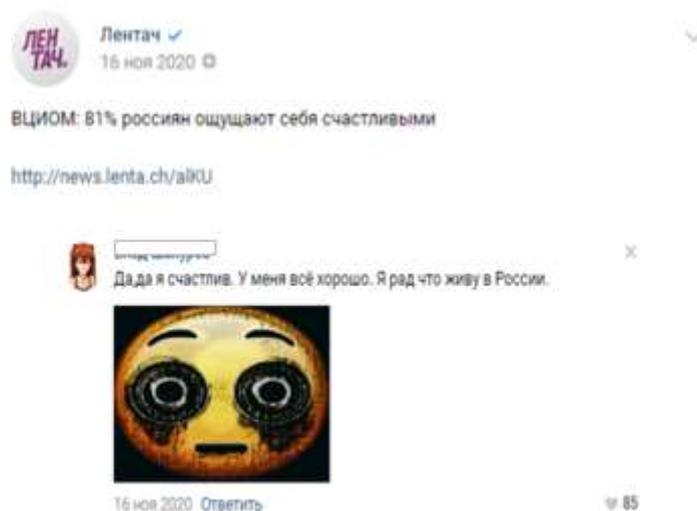
2.2.8. Иронические речевые акты в поликодовой коммуникации

Как было отмечено ранее, поликодовые иронические речевые акты — это КСКРА, в которых вербальная ирония взаимно зависит в содержательном и формальном плане от «невербальных компонентов (мимики, жестов, рисунков, фотографий, схем, эмблем, иконок, смайликов, шрифтового и плоскостного варьирования текста, цвета и т.п.)» [Нестерова, 2019, 214].

В этом параграфе мы будем рассматривать примеры поликодовой иронии, представленной в социальных сетях, блогах, чатах. Общение в Интернет-среде примечательно тем, что коммуниканты отличаются большей степенью анонимности: «Интернет... позволяет быстро завязывать и столь же быстро заканчивать анонимные знакомства, которые ни к чему не обязывают и едва ли способны перерасти во что-то большее, оставаясь в рамках Интернета» [Розенберг, 2007, 346]. Следовательно, не всегда представляется возможным дать подробную характеристику коммуникантов (например, в ходе анализа комментариев к общедоступным записям).

Поликодовые тексты могут использоваться в разных контекстах и реализовывать различные интенции, в том числе и иронические. Нам представляется возможным применение изложенной выше классификации иронических высказываний по характеру выражаемых интенций к поликодовым ИРА.

№ 16 («ВКонтакте», исходные орфография и пунктуация сохранены)

Комментарий к записи («Да, да я счастлив. У меня всё хорошо. Я рад что живу в России») в сочетании с изображением представляет собой иронический ассертив. Говорящий прямо подтверждает результаты социального опроса примером из собственной жизни, однако эмоджикон, изображенный на фотографии, имеет негативное значение, демонстрирует подавленное, депрессивное состояние, которое в действительности

характерно для субъекта иронии. Данный эмоджикон противоречит вербальному компоненту («я счастлив», «у меня всё хорошо», «я рад»). Говорящий прямо соглашается, нарушая при этом требование искренности. На самом деле адресант не считает себя счастливым, имплицированное здесь несогласие возможно вывести благодаря сопутствующему изображению.

№ 17 («ВКонтакте», исходные орфография и пунктуация сохранены)

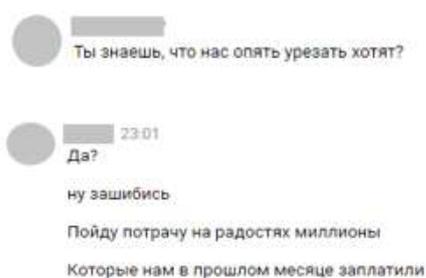
Коммуникант 1 («К. 1»), менеджер, коллега К. 2.

Коммуникант 2 («К. 2»), менеджер, коллега К. 1.

Пресуппозиции: К. 1 и К. 1 работают менеджерами в организации, переживающей кризис. Ранее руководство вынуждено было сократить количество работников и временно понизить заработную плату оставшимся сотрудникам, которую позже также стали задерживать. К. 1 и К. 2 недовольны сложившейся ситуацией: они не могут поменять работу, т.к. кризис затронул не только их организацию, а понижение заработной платы вызвало у коммуникантов финансовые трудности. К.1 и К. 2 недовольны руководителем фирмы, потому что он снижает и задерживает зарплату работников, но не сокращает свой доход.

Недавно руководство фирмы сообщило на совещании, что теперь им снова придется заплатить сотрудникам меньше денег. К. 2 не присутствовала при этом.

Коммуникативная ситуация: чат во «ВКонтакте», К. 1 делится последними новостями с коллегой.

К. 2 использует два ИРА:

1. «ну зашибись». Лексема «зашибись» (жарг.) обычно используется в разговорной речи в значении «здорово», «очень хорошо» и может служить для выражения одобрения, демонстрирования удовлетворения и т.п., однако в данной коммуникативной ситуации говорящий не испытывает положительных эмоций. Так К. 2 выражает недовольство, используя иронический экспрессив;

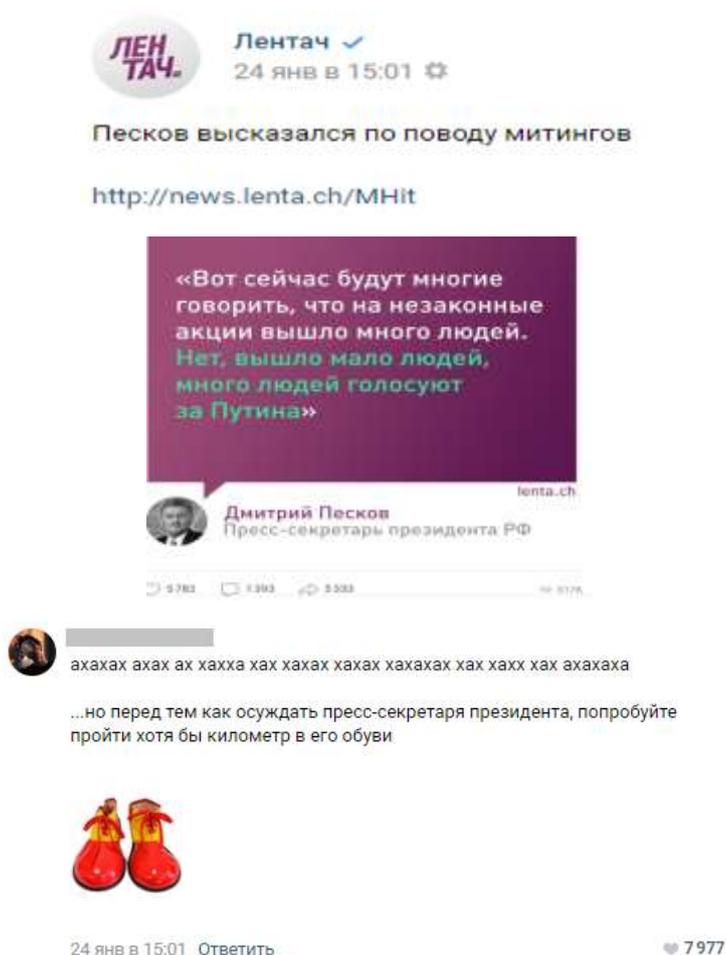
2. Второй ИРА отправлен двумя сообщениями, но, как нам кажется, представляет собой единое высказывание («*Пойду потрачу на радостях миллионы/Которые нам в прошлом месяце заплатили*»). Данный РА полиинтенционален. Первая часть высказывания содержит иронический комиссив: К. 2 говорит, что собирается потратить заработанные миллионы, однако не будет этого делать в действительности, таких денег у нее нет. Во второй части РА адресант реализует иронический декларатив, т.е. объявляет положение дел, не соответствующее реальности (на самом деле им не платили миллионы). На эксплицитном уровне высказывание содержит комиссивные и декларативные интенции (обещание и утверждение), однако имплицитно здесь упрек начальству, негативное отношение к объекту иронии, что характерно для класса ассертивов.

На стикере мы видим персонажа, очень уверенного в себе, если судить по позе и мимике, сложившего пальцы рук в жест «козы», скорее всего, отсылающий к жесту «рожек», используемых представителями субкультур (например, фанатами рок-музыки) для выражения одобрения и/или удовольствия. Подброшенные в воздух деньги, очевидно, символизируют богатство, финансовую состоятельность.

Стикеры используются для выражения психоэмоционального состояния отправителя, однако в данной коммуникативной ситуации К. 1 не чувствует себя так же уверенно, как персонаж, удовольствия от происходящего не испытывает, а денег, которые можно было бы так же

бросать в разные стороны, у нее нет. Следовательно, представленный в чате стикер усиливает иронический эффект.

№ 18 («ВКонтакте», исходные орфография и пунктуация сохранены)

Комментарий («...но перед тем как осуждать пресс-секретаря президента, попробуйте пройти хотя бы километр в его обуви») в сочетании с изображением представляет собой иронический директив.

Вербальная часть поликодового ИРА отсылает к прецедентному тексту («Прежде чем осуждать кого-то, возьми его обувь и пройди его путь, попробуй его слезы, почувствуй его боли». Далай-лама XIV). Без сопутствующих изображения и междометий такой РА будет прямым директивом: говорящий заранее просит не осуждать пресс-секретаря за мнение, с которым, как предполагает адресант, могут согласиться не все. Тем не менее, междометия демонстрируют отношение комментатора к приведенной цитате (ему смешно), а изображенные на фотографии

При создании мема используется кадр из аниме-сериала «Огненная птица» (реж. Катуеси Ятябе, 1991), на котором Ютаро Катори, антропоморфный андроид, в процессе изучения окружающего мира по ошибке принимает бабочку за голубя. Этот мем часто используется для иллюстрирования случаев, когда человек не понимает чего-то и чувствует себя по этой причине подавленно; когда человек хочет выдать желаемое за действительное и мн. др.

В вербальной части содержится вопрос, ответ на который автор не требует. Примечательно, что адекватный ответ дать здесь вряд ли получится, ведь всем известно, что вторжение в чужие отношения неприемлемо (как минимум в русской культуре). Адресант не ждет ответа от подписчиков, но хочет, чтобы эта запись дошла до объекта иронии П., общаться с которой Д. сейчас неприятно. Тем не менее, Д. испытывает острую необходимость выразить свое негативное отношение. Введение возникшей в отношениях девушек проблемы в пространство публичной коммуникации не только позволяет субъекту иронии не вступать в частный диалог с П., но и делает имплицитную критику более интенсивной.

Смайлики, дополняющие РА, служат выражению эмоций, которые на самом деле автор не испытывает: Д. говорит якобы с улыбкой, словно такого рода вопрос адекватен, а ситуация, которая в нем описывается, этична и приятна.

В вопросе «*это дружба?*», включенном в мем, имплицитно дан намек. Здесь говорящий также не требует ответа и хочет, пользуясь прецедентным

изображением, показать, что заблуждался ранее и никакой дружбы не было. Д. намекает, что П. не умеет дружить, и попрекает её этим.

Данный РА — поликодовый иронический квеситив, в котором смайлики и мем усиливают имплицированное неодобрение.

Выводы по второй главе

В данной главе мы рассматривали возникающие в повседневной (обиходно-бытовой и обиходно-деловой) коммуникации контекстуально-ситуативные косвенные РА, которые содержат иронию.

На примерах из российских телесериалов «Восьмидесятые» (реж. Ф. Стуков, Ю. Лёвкина, 2012-2016) и «Родители» (реж. А. Жигалкин, 2015-2020), а также из социальных сетей и блогов мы показали, как реализуются в повседневном общении разные виды ИРА.

Всего нами было просмотрено 194 серии, которые дали 140 диалогов, в общем содержащих 283 КСКРА, из которых:

- иронических ассертивов — 75 однородных;
- иронических комиссивов — 8 неоднородных;
- иронических директивов — 32 неоднородных;
- иронических квеситивов — 48 неоднородных;
- иронических экспрессивов — 20 неоднородных;
- иронических декларативов — 4 однородных и 96 неоднородных.

Нами также было подобрано 30 поликодовых текстов, содержащих иронию. Отметим, что во второй главе нашего исследования приводится лишь часть собранного материала (15 диалогов и 4 поликодовых текста).

Мы видим, что в повседневной коммуникации чаще всего употребляются иронические декларативы и ассертивы. Иронические декларативы по большей части неоднородны, потому что содержат в себе ассертивные элементы (неодобрение, несогласие), как и большинство других неоднородных ИРА. Однородные иронические ассертивы реализуются посредством эксплицитного выражения интенций, прямо противоположных подразумеваемым. Меньшей частотой употребления характеризуются

квеситивы, директивы и экспрессивы, также неоднородные по большей части. Реже всего используются иронические комиссивы, также неоднородные.

Довольно часто используются комбинации ИРА (76 из 140 диалогов) с целью содержательного дополнения и усиления имплицитруемой критики в иронических высказываниях.

Заслуживает быть отмеченным и количественное соотношение ИРА с одной речевой интенцией и полиинтенциональных ИРА: среди 283 иронических высказываний нами было выявлено 194 речевых актов, содержащих одну интенцию, а также 89 полиинтенциональных речевых акта.

Заключение

Тема нашей выпускной квалификационной работы – «Иронические речевые акты в повседневной коммуникации».

Перед нами стояла цель — исследовать иронические речевые акты в сфере повседневного общения, описать их семантику и прагматику.

В соответствии с указанной целью в первой главе нашей работы «Ирония в языке и речи. История вопроса» нами была проанализирована литература по теме исследования, рассмотрены дефиниции понятий «ирония», «юмор», «насмешка», «сарказм», «речевой акт», «косвенный речевой акт», «иронический речевой акт», «поликодовая коммуникация», «иронический поликодовый текст», представленные в лексикографических источниках и в работах лингвистов, описаны различные подходы к их определению, рассмотрены существующие классификации средств и способов реализации иронии и иронических речевых актов.

В первой главе мы установили следующее:

1. Проведенный нами анализ лексикографических источников и лингвистических работ, посвященных данной теме, показал, что иронию понимают по-разному: как форму насмешки, риторическую фигуру или прием, философско-эстетическую категорию или прием, отрицание или осмеяние и т.д.

2. Ирония представляет собой одну из форм комического, стоит в одном ряду с такими понятиями, как юмор, насмешка, сарказм и обладает отрицательной семантической просодией, под которой мы, вслед за К.М. Шилихиной, понимаем то, «каким образом коннотативные свойства окружения, в котором встречается слово, распространяются и на само слово» [Шилихина, 2014, 229].

Разделяя позиции К.А. Воробьевой [Воробьева 2008], О.П. Ермаковой [Ермакова 2007; Ермакова 2011], В.В. Чумака [Чумак 2005] и других исследователей, мы считаем, что ирония — самостоятельная форма

комического, имеющая как сходства, так и различия с понятиями юмора, насмешки и сарказма.

Юмор — вид комического, который скрывает «серьезное под маской смешного», «объединяет людей», «не требует ответа», является «безличным, бессубъектным», «независимым от статуса» коммуникантов, «свободным от контекста», а потому «легко воспроизводимым», не имеющим «глубокого эмоционального подключения» [Воробьева, 2008, 33], а производным юмора является шутка.

Насмешка — неприкрытая издевка, производимая с целью «нанесения ущерба адресату» [Щурина, 1997, 11].

Сарказм — «конвенционализированная форма иронии, которую невозможно не расшифровать, потому что саркастическое значение диаметрально противоположно прямому значению высказывания» [Чумак, 2005, 152], т.е. потому, что это значение обладает более высокой «эмоциональной напряженностью» [Чумак, 2005, 152-153], «относительной открытостью иронического намерения» [Там же].

Ирония — высказывание, не соотносящееся с реальной ситуацией, отличающееся наличием притворства говорящего, а также выраженной имплицитно отрицательной оценкой [Шилихина, 2014, 183]. Данное определение было принято нами в качестве рабочего.

2. ИРА представляет собой сложный КСКРА, «иллокутивная сила которого порождается в результате взаимодействия иллокутивной силы простого РА с ироническим намерением говорящего» [Чумак, 2005, 78], содержащий отрицательную оценку, «агрессивный потенциал, выраженный в скрытой форме агрессии или злой шутки» [Паремузашвили, 2012, 139], обусловленный пресуппозициями и параметрами коммуникативной ситуации, в которой он возникает.

3. Лексическими, морфологическими и синтаксическими средствами и приемами выражения иронии являются различные семантические типы слов (оценочные, количественные, модальные слова, слова с номинативным

значением) — на уровне лексики, имена существительные, имена прилагательные, наречия, частицы, глаголы или словосочетания с опорным словом, выраженным глаголом — на уровне морфологии, повторы, восклицательные и вопросительные предложения — на уровне синтаксиса и др. Большую роль в формировании иронического высказывания играет ироническая тональность — особое произнесение, которое отображает негативное отношение говорящего к объекту иронии.

4. По характеру формально выражаемых интенций выделяются иронические ассертивы, комиссивы, директивы, квеситивы, экспрессивы и декларативы.

Иронические ассертивы — РА, которые «осуществляются в результате нарушения говорящим условия искренности, предусматривающего убежденность говорящего в соответствии его утверждения действительному положению дел» [Чумак, 2005, 17]. В группу иронических ассертивов мы включаем вслед за В.В. Чумаком [Чумак 2005] РА обвинения, одобрения, похвалы, уверения, клятвы и некатегорического утверждения.

Иронические комиссивы — РА, которые «осуществляются в результате нарушения говорящим условия искренности, предполагающего наличие у говорящего намерения совершить действие» [Чумак, 2005, 34].

Иронические директивы — РА, которые создаются путем «нарушения говорящим условия искренности, отражающего тот факт, что говорящий хочет побудить адресата совершить действие» [Чумак, 2005, 42].

Иронические квеситивы — РА, возникающие вследствие «нарушения говорящим условия искренности, предусматривающего то, что говорящий хочет получить информацию от адресата» [Чумак, 2005, 49].

Иронические экспрессивы — РА «выражения чувств или установок, в которых говорящий намеренно нарушает условие искренности» [Чумак, 2005, 60].

Иронические декларативы — РА, которые «осуществляются в результате нарушения говорящим условия искренности, предполагающего

то, что говорящий действительно хочет каузировать новое состояние дел и верит в существование такой возможности» [Чумак, 2005, 71].

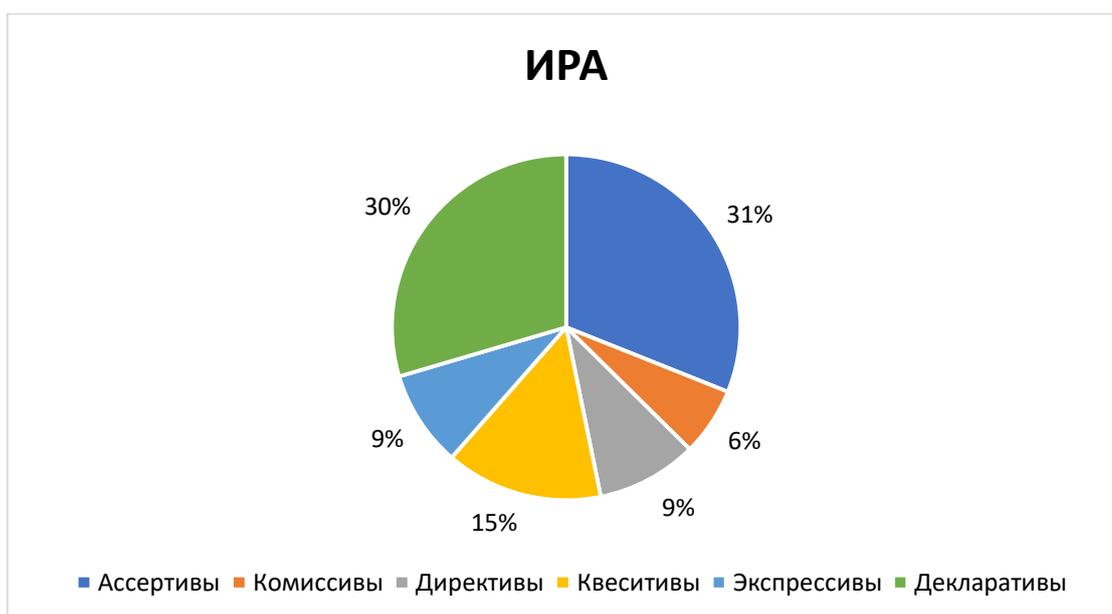
5. По наличию или отсутствию расхождения прямо и косвенно выраженных интенций можно выделить однородные и неоднородные ИРА.

Однородный ИРА — такой ИРА, иллокуция которого «должна относиться к тому же классу, что и форма высказывания» [Слепцова, 2008, 122].

Неоднородный ИРА — такой ИРА, который «формально может относиться к одному классу, а по коммуникативной направленности его можно отнести к другому классу речевых актов» [Слепцова, 2008, 122].

Во второй главе нашего исследования «Ирония в повседневной коммуникации (русскоязычное общение)» был проведён анализ семантики и прагматики иронических контекстуально-ситуативных косвенных речевых актов в различных ситуациях общения. Установлено следующее:

1. В повседневном общении наиболее частотны иронические декларативы (100) и ассертивы (75), реже употребляются квеситивы (48), директивны (32) и экспрессивы (20), а наименее частотными являются иронические комиссивы (8), что в процентном соотношении продемонстрировано на следующей диаграмме:

Мы предполагаем, что иронические декларативы и асертивы используются чаще остальных, т.к. в таких РА адресанту проще имплицировать критику и вероятность успешного декодирования адресатом скрытых смыслов намного выше, что способствует возникновению положительного перлокутивного эффекта, на который рассчитывает говорящий.

С помощью иронических квеситивов и директивов адресант может не только косвенно передать критику объекта иронии, но и сподвигнуть его к размышлениям над своими недостатками, изменить свое поведение.

Иронические экспрессивы по частотности употребления стоят на третьем месте и представляют собой транспонированные этикетные РА приветствия, благодарности, извинения, поздравления, при реализации которых говорящий намеренно нарушает условие искренности.

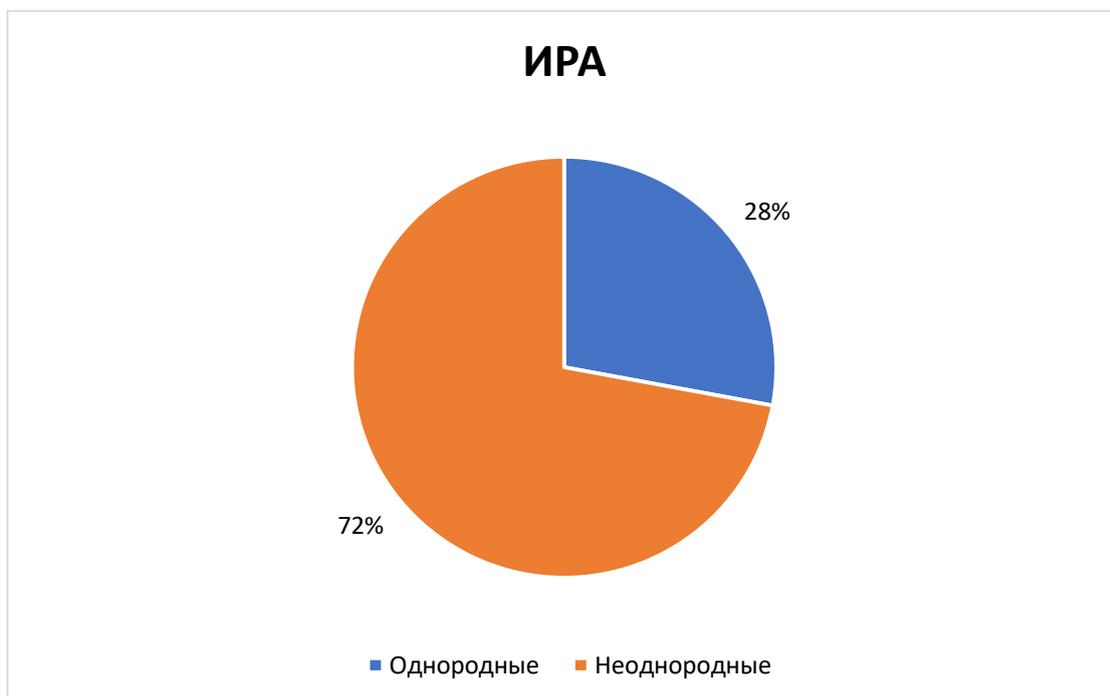
Реже всего в повседневной коммуникации используются иронические комиссивы. Можно предположить, что это связано с тем, что говорящий формально обещает совершить действие, которое, по каким-либо причинам, совершить не может. В русской лингвокультуре считается недостойным обещать выполнить то или иное действие и не сдержать слова.

2. Говорящий (субъект иронии), как правило, использует ИРА в общении с равностоящим или нижестоящим. Нами были обнаружены случаи, когда коммуниканты обменивались ироническими высказываниями, реализуя попытку поставить друг друга в положение нижестоящего.

3. Среди рассмотренных нами примеров были диалоги, имевшие место в семейной коммуникации. Примечательно, что родители, иронизирующие над детьми, как правило, отдают предпочтение ироническим декларативам и асертивам, так как в них легче декодировать скрытый упрек, а значит больше шансов для субъекта иронии реализовать имплицированные интенции. Для сравнения нами были взяты два сериала — сериал «Восьмидесятые», повествующий о 1980-х гг. в СССР, и сериал «Родители», изображающий наши дни. Анализируя представленную в них семейную

коммуникацию, мы выявили, что современные дети чаще позволяют себе иронизировать над родителями.

4. Преимущественно однородными являются иронические ассертивы (75 из 75); иронические комиссивы (8 из 8), директивы (32 из 32), квеситивы (48 из 48), экспрессивы (20 из 20) и декларативы (96 из 100) — в основном неоднородные. Из 283 рассмотренных иронических речевых актов 79 однородных и 204 неоднородных высказываний, что в процентном соотношении выглядит следующим образом:

5. Полиинтенциональные иронические речевые акты (89 из 283) встречаются реже, чем иронические высказывания, содержащие одно коммуникативное намерение (194 из 283):

6. В рассмотренных нами примерах частотными языковыми маркерами иронии являются оценочные слова, слова с номинативным и неопределенно-количественным значением, модальные слова, риторические вопросы, восклицательные предложения, повторы, сослагательное и повелительное наклонения, ироническая тональность. Ироническое высказывание также сопровождают невербальные элементы: жесты, мимика, взгляды, позы (сдвинутые брови, поджатые губы, вздернутые брови, поза «руки в боки», хмурый взгляд, неискренняя улыбка и др.), которые могут указывать на наличие в нем отрицательной оценки.

7. Иронические речевые акты в поликодовых текстах зависят в содержательном и формальном планах от «невербальных компонентов (мимики, жестов, рисунков, фотографий, схем, эмблем, иконок, смайликов, шрифтового и плоскостного варьирования текста, цвета и т.п.)» [Нестерова, 2019, 214]. Чаще всего иронические поликодовые тексты встречаются в молодежной среде. На данном этапе исследования нами было проанализировано 30 примеров поликодовой иронии, в которых невербальная часть может дополнять вербально выраженную иронию (16 из 30), заменять один из её компонентов (3 из 30) или находиться в оппозиции с ней (7 из 30). Нами также обнаружены случаи употребления поликодовой иронии в повседневной коммуникации без сопровождающей ее вербальной части, которые мы считаем необходимым исследовать в дальнейшем.

8. ИРА могут комбинироваться с целью содержательного дополнения и усиления скрытой критики. Среди проанализированных нами 76 диалогов, содержащих комбинаторику ИРА, 57 комбинаций из высказываний, относящихся к разным типам, и 25 комбинаций из высказываний одного и того же типа (6 из них — в пределах диалогов, где есть сочетания разных классов РА). В сочетаниях ИРА разных типов чаще всего встречаются комбинации иронических ассертивов и декларативов с другими типами (они могут комбинироваться с квеситивами, директивами, экспрессивами и комиссивами). Нами обнаружены также следующие варианты комбинаторных сочетаний: «квеситив+экспрессив», «квеситив+комиссив», «экспрессив+директив».

В заключение необходимо отметить, что создание типологии иронических контекстуально-ситуативных косвенных речевых актов, которые реализуются в повседневной коммуникации (в том числе поликодовой), имеет большое значение для дальнейшего изучения иронии как в русской, так и в других лингвокультурах. Результаты такого описания могут быть полезны как в теоретической, так и в практической деятельности преподавателей, занимающихся проблемами теории общения, межкультурной коммуникации и преподавания русского языка (в том числе и русского языка как иностранного).

Список использованной литературы

1. Анохина В.С. Речевые аспекты семейного конфликта / В.С. Анохина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. - № 7. — 2008. — С. 125-130.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. /О.С.Ахманова. — М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
3. Байкулова А.Н. Речевое общение в семье: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01./ Байкулова Алла Николаевна. — Саратов, 2006. — 290 с.
4. Балашов С.Н. Когнитивная природа иронии: парадигма моделей в сопоставительном описании : на материале английских художественных произведений XX века и их русских переводов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. / Сергей Николаевич Балашов. — Екатеринбург, 2006. — 210 с.
5. Боженкова Н.А., Каличкина Т.И. Ирония как репрезентант лингвокультурных особенностей русскоязычного политического дискурса / Н.А. Боженкова, Т.И. Каличкина // Филологическое образование в современных исследованиях: лингвистический и методический аспекты. — 2017. — С. 83-87.
6. Булатая Е.В. Ирония как имплицитная форма выражения авторской модальности в художественном тексте: на материале произведений Н.В. Гоголя и их немецкоязычного перевода: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. / Елена Васильевна Булатая. — Калининград, 2017. — 224 с.
7. Варзонин Ю. Н. Коммуникативные акты с установкой на иронию: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. / Ю.Н.Варзонин. — Тверь, 1994. — 148 с.
8. Вербицкий А. А. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике/ А. А. Вербицкий. — 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru.
9. Веселова Н.В. Ирония в политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. / Наталья Вячеславовна Веселова. — Нижний Новгород, 2003. — 185 с.

10. Войткова А.Н. Остроумная коммуникативная личность в комическом дискурсе: гендерный аспект : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. / Анастасия Николаевна Войткова. — Иркутск, 2010. — 204 с.
11. Волкова Н.А. Высмеивание и аргументирование: Проблема взаимодействия речевых жанров : диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.19. / Наталия Александровна Волкова. — Калуга, 2005. — 187 с.
12. Воробьева К.А. Лингвокультурологические и психолингвистические аспекты восприятия иронии в художественном произведении : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. / Ксения Александровна Воробьева. — Челябинск, 2008. — 228 с.
13. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. / И.Р.Гальперин. — М., 1958. — 459 с.
14. Гомлешко Б.А. Прагматические функции иронии в тексте / Б.А.Гомлешко // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. — 2008. — №3. — С.11-13.
15. Горностаева А.А. Ирония в английском и русском дискурсах: сопоставительный анализ / А.А.Горностаева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. — 2013. — №4. — С.72-79.
16. Грайс Г. П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. —1985. — №16. — С.217-237.
17. Гуторенко Л.С. Комические креолизованные Интернет-мемы в русско-, испано- и англоязычной виртуальной коммуникации: лингвистический аспект и социокультурные особенности: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Гуторенко Лидия Сергеевна. — Москва, 2019. — 391 с.
18. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры / В.В.Дементьев. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. — 248 с.
19. Десятерик Д. Альтернативная культура. Энциклопедия./ Д. Десятерик. — М.: Ультра. Культура, 2005. — 243 с.

20. Дземидок Б. О комическом / Б. Дземидок. — М.: Прогресс, 1974. — 223 с.
21. Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка / Д.В.Дмитриев. — М.: Астрель: АСТ, 2003. — 1582 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-dmitriev-tolk-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 18.12.2019).
22. Ермакова О.П. Ирония и ее роль в жизни языка / О.П.Ермакова. — М.: Флинта, 2011. — 204 с.
23. Ермакова О.П. Ирония и насмешка / О.П.Ермакова // Вопросы культуры речи: сб.науч.тр. — М., 2007. — С.185-190.
24. Ермакова О.П. Является ли ирония речевым жанром? (ещё раз о некоторых особенностях иронии) / О.П.Ермакова // Жанры речи. — 2014. — №1-2. — С.75-80.
25. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. — М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 18.12.2019).
26. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, испр. и доп. / Т.В. Жеребило. — Назрань: ООО «Пилигрим», 2005. — 376 с.
27. Жюлия Д. Философский словарь / Д.Жюлия. — М.: Междунар. отношения, 2000. — 544 с.
28. Захарова М.В. Ирония в речевой деятельности носителя русского языка / М.В.Захарова // Русский язык в глобальном и локальном измерениях: сб.науч.тр. — Сургут, 2018. — С.50-55.
29. Заврумов З.А. Иронический текст и иронический контекст: система корреляций / З.А.Заврумов // Гуманитарные исследования. — 2014. — № 4. — С. 27-31.
30. Заврумов З.А. Феномен иронии в художественном тексте: прагмасемантический и лингвокультурологический аспекты: автореферат дис. ... доктора филол. наук / Заврумов Заур Асланович. — Махачкала, 2017. — 56 с.

31. Каличкина Т.И. Ирония как лингвокультурный маркер русскоязычного политического дискурса / Т.И. Каличкина // Язык. Коммуникация. Культура. — 2017. — С. 74-77.

32. Каличкина Т.И. «Поликодовая» ирония как признак современного медиаполитического дискурса / Т.И. Каличкина // Политика и культура: пространство игры. — 2020. — С. 194-201.

33. Карант А.И. Смайлы, эмодзи, эмотиконы и стикеры как специфические внеязыковые элементы современной англоязычной интернет-коммуникации / А.И. Карант // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. — 2020. — с. 19-23.

34. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И.Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.

35. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации: Учебное пособие. 4-е изд/ В.Б.Кашкин. — М.: Флинта, 2013. — 224 с.

36. Кашкин В.Б., Шилихина К.М. Диалогический принцип в исследовании иронии / В.Б.Кашкин, К.М.Шилихина // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. — 2011. — №23. — С.72-81.

37. Кемеров В.Е. Современный философский словарь / В.Е.Кемеров. — М.: Панпринт, 1998. — 1064 с.

38. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г.Е.Крейдлин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002. — 592 с.

39. Курьянович А.В. Дискурсивная обусловленность иронии в современных медиа (на материале сетевой переписки) / А.В. Курьянович // Русская речевая культура и текст. — 2020. — С. 167-177.

40. Левит С.Я. Культурология. XX век. Энциклопедия: В 2-х томах. СПб: Университетская книга, 1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://psylib.org.ua/books/levit01/> (дата обращения: 18.12.2019).

41. Леденев С.Д., Патрушева Е.В. Лингвокультурологический потенциал иронии и сарказма в американском молодежном интернет-дискурсе / С.Д. Леденев, Е.В. Патрушева // Филология, журналистика и

межкультурная коммуникация в диалоге цивилизаций. — 2014. — С. 577-578.

42. Лингвистический энциклопедический словарь (под ред. В.Н. Ярцевой). – М.: «Советская энциклопедия». – 1990. [Электронный ресурс]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/519a.html> (дата обращения: 8.12.2020).

43. Литературная энциклопедия: Т. 4. — М.: Изд-во Коммунистической академии; Советская энциклопедия; Художественная литература. – 1930. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/> (дата обращения: 12.12.2019).

44. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В.Матвеева. — Ростов н/Д: Феникс, 2010. — 562 с.

45. Нестерова Т.В. Введение в теорию коммуникации. Лекции и практические задания. Учебное пособие. / Т.В. Нестерова. — М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2016. – 268 с.

46. Нестерова Т.В., Лужная М.М. Косвенные реализации интенции упрека в обиходном общении русских / Т.В.Нестерова, М.М.Лужная // Филологическое образование в современных исследованиях: лингвистический и методический аспекты. Международная научно-практическая конференция «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVII Кирилло- Мефодиевские чтения», 24 мая 2016. М.: Гос.ИРЯ им.А.С.Пушкина, 2016. — С. 134-140.

47. Нестерова Т.В., Мартышко Т.В. Транспонированное употребление этикетных речевых актов с интенцией приветствия в поликодовой коммуникации / Т.В. Нестерова, Т.В. Мартышко // Гуманитарные технологии в современном мире. — 2019. — с. 90-93.

48. Нестерова Т.В. Непрямая коммуникация в обиходной сфере (русскоязычное общение) / Т.В.Нестерова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — №5-1. — С.156-162.

49. Нестерова Т.В. Поликодовый текст как способ коммуникации / Т.В.Нестерова // Человек в информационном пространстве: Сб. научных

статей [Ярославль, 15-17 ноября 2018 г.]/Под общей ред. Т.П. Курановой.— Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. — С. 213-219.

50. Нестерова Т.В. Почему мы говорим непрямо? / Т.В.Нестерова // Историческое образование. — 2014. — №3. — С.133-146.

51. Нестерова Т.В., Серовская Д.В. Стикеры в обиходном дискурсе молодежи / Т.В. Нестерова, Д.В. Серовская // Гуманитарные технологии в современном мире. — 2019. — с. 93-97.

52. Нестерова Т.В. Скрытые смыслы в поликодовых текстах / Т.В.Нестерова // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2018. — №4. — С.38-45.

53. Нестерова Т.В. Шутливые речевые акты в повседневной русскоязычной коммуникации / Т.В. Нестерова // Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований. — 2017. — с. 88-91.

54. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок.60 000 слов и фразеологических выражений / С.И.Ожегов. — М.: Оникс, Мир и Образование, 2007. – 976 с.

55. Орлова Г. В. Средства формирования иронической модальности в современном публицистическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Орлова Галина Викторовна. — СПб, 2005. — 176 с.

56. Остин Дж. Как производить действия при помощи слов / Дж.Остин. — М.: Дом интеллектуал. кн.: Идея-Пресс, 1999. — 329 с.

57. Палкевич О.Я. Языковой портрет феномена иронии: На материале современного немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Палкевич Ольга Язеповна. — Иркутск, 2001. — 212 с.

58. Паремюзашвили Э.Э. Непрямая коммуникация в структуре агрессивного речевого акта (на примере иронии и насмешки) / Э.Э. Паремюзашвили // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. — №1. — С.136-142.

59. Паремужашвили Э.Э. Речевая агрессия в непрямой коммуникации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Паремужашвили Эка Элгуджевна. — М., 2013. — 170 с.

60. Печенкина П.Е., Васильева С.Л. Языковые средства реализации иронии в политическом медиа-дискурсе / П.Е.Печенкина, С.Л.Васильева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 4-1. — С.171-174.

61. Прокофьев Г. Л. Ирония как прагматический компонент высказывания: На материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Прокофьев Геннадий Леонидович. — Киев, 1988. — 206 с.

62. Пропп В.Я. Проблема смеха и комизма/ В.Я.Пропп - СПб: Алетейя, 1997. – 282 с.

63. Розенберг Н.В. Повседневная коммуникация в современной культуре: социальные проблемы / Н.В. Розенберг // Аналитика культурологии. - № 2. — 2007. — С. 343-346.

64. Розенталь Д.Э. Словарь лингвистических терминов / Д.Э.Розенталь, М.А. Теленкова. — М.: «Оникс- 21 век», «Мир и образование», 2003. – 623 с.

65. Самыгина Л.В. Изучение иронии в сфере лингвистики / Л.В. Самыгина // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). — 2017. — №3. — 7 с.

66. Серль Дж. Косвенные речевые акты / пер. с англ. Н. В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике. — 1986. — №17. — С. 195-222.

67. Слепцова М.А. Ирония как косвенный речевой акт отрицательной оценки: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Слепцова Мария Александровна. — СПб, 2008. 172 с.

68. Словарь русского языка: В 4 т. Том 3 / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 3-е изд. — М.: Рус. яз.,1987. — 751 с.

69. Словарь русского языка: В 4 т. Том 4 / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 3-е изд. — М.: Рус. яз., 1988. — 797 с.

70. Соболева И.А. Ирония как способ влияния на современное медиасознание / И.А.Соболева // Русский язык в поликультурном мире: сб. научн. статей. — Симферополь: Ариал, 2018. — С.390-396.

71. Соловьева Т.К. Речевая интенция неодобрения в русском языке: Номинативный и коммуникативно-прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Соловьева Татьяна Кирилловна. — Тверь, 2005. — 145 с.

72. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М.: "Флинта", "Наука". — 2003. [Электронный ресурс]. URL: <https://stylistics.academic.ru/222/Тональность> (дата обращения: 28.02.2020).

73. Сухова Н.В. Интонация в речевом акте / Н.В.Сухова // Теория и практика германских и романских языков. — 2002. — С. 108-110.

74. Туяков В.Н. Ирония в англоязычном устном речевом дискурсе и особенности ее просодической реализации: на материале британских телесериалов и ток-шоу: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Туяков Валерий Николаевич. — Москва, 2016. — 175 с.

75. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. — М.: Аделант, 2014. — 800 с.

76. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф.Ильичева, П.Н.Федосеева, С.М.Ковалева, В.Г. Панова. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — 840 с.

77. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н.И.Формановская. — М.: Издательство Икар, 2007. — 480 с.

78. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н.И. Формановская. — М., Рус. яз., 2002 — 216 с.

78. Формановская Н.И. Речевое общение и коммуникативное взаимодействие / Н.И.Формановская // Русская речь. — 2014. - № 4. — с.55-58.

79. Фрейдина Е.Л. Тональность речевого общения и ее просодические маркеры / Е.Л.Фрейдлина // Преподаватель XXI века. – 2015. — № 1. — с.282-289.

80. Хамзе Д.Г. Коммуникативные основания иронии / Д.Г.Хамзе // Forms of social communication in the dynamics of human society development: сб. науч.тр. — Лондон, 2013. — С. 90-94.

81. Черкасова Е.В., Макарова М.Е. Прагматика иронии и юмора: две грани комического / Е.В.Черкасова, М.Е.Макарова // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения и педагогики. — 2017. — №1. — С.147-151.

82. Чумак В.В. Прагматика языка иронических высказываний в драматургических произведениях английских и американских авторов XX века: дис.... канд. филол. наук: 10.02.20 / Чумак Василий Васильевич. — Краснодар, 2005.

83. Шаронов И.А. Приемы речевой агрессии: ирония и насмешка / И.А.Шаронов // Агрессия в языке и речи: сб.науч.тр. — М., 2004. — С.38-52.

84. Шаталова Ю.Н. Словотворчество в повседневной речи: структурно-семантический и функциональный аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Шаталова Юлия Николаевна. — Белгород, 2013. — 200 с.

85. Шатуновский И.Б. Речевые действия и действия мысли в русском языке / И.Б. Шатуновский. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. — 480 с.

86. Шилихина К.М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19 / Шилихина Ксения Михайловна. — Воронеж, 2014. — 399 с.

87. Шилихина К.М. Роль контекста в интерпретации иронии / К.М.Шилихина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2008. — №2. — С. 10-15.

88. Шилихина К.М. Семантика и прагматика вербальной иронии / К.М.Шилихина. — Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014. — 304 с.

89. Шилихина К.М. Сколько значений у иронического высказывания? / К.М.Шилихина // Язык, коммуникация и социальная среда. — 2011. — №9. — С.239-260.

90. Щурина Ю.В. Шутка как речевой жанр: автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Щурина Юлия Васильевна. — Новгород, 1997. — 24 с.

91. Восьмидесятые // Восьмидесятые: Телесериал / Реж. Ф. Стуков (1-3 сезоны), Ю. Лёвкина(4 сезон), Ф. Коршунов (5 сезон), Р. Фокин (6 сезон). — Россия, «Леан М», «Sony Pictures Television», «Good Story Media» (1-4 сезоны), «Соло Фильм» (5-6 сезоны), 2012 – 2016.

92. Родители // Родители: Телесериал / Реж. А. Жигалкин. — Россия, 2015-2020.

Иностранная литература:

1. Attardo S. Humorous Texts: A Semantic and Pragmatic Analysis / S.Attardo // Berlin and New York: Mouton de Gruyter. Humor Research Series. — 2001. — № 6.

2. Attardo S. Irony as Relevant Inappropriateness / S.Attardo // Journal of Pragmatics. — 2000. — №32. — P. 793-826.

3. Sperber D., Wilson D. Explaining irony / D. Sperber, D. Wilson // Meaning and relevance. — 2012. — P.123-145.

4. Sperber D., Wilson D. Irony and the use-mention distinction / D.Sperber, D. Wilson // Peter Cole, ed., Radical pragmatics. — P. 295-318.

Приложение 1

Режим дискур- са non bona fide	Соотношение с реальностью	Кооперативность / рациональность собеседника	Элемент игры / притвор- ства	Метапрагма- тические комментарии
Юмор	Высказывание / текст соответствует реальной ситуации до так называемого кульминационного момента (punch line)	Высокая: юмор способствует укреплению внутригруп- повых связей	Обязателен	<i>Я шучу / пошутил / пошутила, I'm just joking / kidding, ja żartuję / żartowałam / żartowałem, ich hab doch nur gescherzt.</i>
Ирония	Ироническое высказывание не соответствует ситуации или ожиданиям говорящего.	Не очевидна, степень имплицитности может варьировать (явная ирония – тонкая/скрытая ирония)	Обязателен	<i>Я иронизирую I'm being ironic Ich ironisiere jetzt / Ich bin ironisch / das war ironisch gemeint Jestem ironiczny / ironiczna</i>
Сарказм	Высказывание	Внешне речевые	Обязателен	<i>Это был</i>

	не соответствует ситуации, часто представляя ее как абсурдную	действия противоречат Принципу Кооперации		<i>sarказм</i> <i>I'm being sarcastic</i> <i>Das war sarkastisch gemeint</i>
--	---	---	--	--

Таблица 1 [Шилихина, 2014, 173-174]

Режим дискурса non bona fide	Выражение деонтической оценки	Апелляция к эмоциям / к разуму
Юмор	Не обязательно	Эмоциональная составляющая доминирует, цель говорящего – вызвать смех адресата / аудитории
Ирония	Негативная деонтическая оценка выражена в имплицитном виде	В равной мере обращена к эмоциям и разуму (интерпретация иронии требует инференции)
Сарказм	Негативная деонтическая оценка выражена в явном виде	Эмоциональная составляющая доминирует, цель говорящего – выразить негативную оценку ситуации

Таблица 2 [Шилихина, 2014, 176]

Коллокация	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
горькая ирония	64	14,8
легкая ирония	44	10,2
злая ирония	30	6,9
тонкая ирония	19	4,4
едкая ирония	13	3,0
нескрываемая ирония	12	2,8
грустная ирония	11	2,5
добродушная ирония	10	2,3
скрытая ирония	10	2,3
явная ирония	9	2,1
мрачная ирония	6	1,4
глубокая ирония	6	1,4
благодарная ирония	5	1,2
ласковая ирония	5	1,2
мягкая ирония	5	1,2
небрежная ирония	5	1,2
язвительная ирония	5	1,2
романтическая ирония	4	0,9
убийственная ирония	4	0,9
вызывающая ирония	3	0,7
высокомерная ирония	3	0,7
грубая ирония	3	0,7
добрая ирония	3	0,7
едва заметная ирония	3	0,7
малейшая ирония	3	0,7
неуловимая ирония	3	0,7
обычная ирония	3	0,7

сдержанная ирония	3	0,7
снисходительная ирония	3	0,7
спасительная ирония	3	0,7
тотальная ирония	3	0,7
угрюмая ирония	3	0,7

Таблица 3 [Шилихина, 2014, 227]

Оценка	Коллокации
Положительная	<i>легкая ирония, невинная ирония, безобидная ирония, благодушная ирония, ласковая ирония, мягкая ирония, добродушная ирония, спокойная ирония, теплая ирония, доброжелательная ирония, веселая ирония</i>
Отрицательная	<i>горькая ирония, едкая ирония, въедливая ирония, ядовитая ирония, жгучая ирония, язвительная ирония, колкая ирония, злая ирония, агрессивная ирония, убийственная ирония, злобная ирония, беспощадная ирония, жестокая ирония, яростная ирония, губительная ирония, презрительная ирония, высокомерная ирония, снисходительная ирония, надменная ирония, безнадежная ирония, грустная ирония, мрачная ирония, вызывающая ирония, грубая ирония, резкая ирония, обидная ирония, оскорбительная ирония, насмешливая ирония, холодная ирония, сухая ирония, желчная ирония, неуместная ирония, пошлая ирония, резкая ирония, унылая ирония</i>

Таблица 4 [Шилихина, 2014, 229]